

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣлениіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ II

годъ пятый

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12

1895

ОТДѢЛЪ I.

Замѣтки о населеніи Якутской области въ историко-этнографическомъ отношеніи ¹⁾.

Населеніе Якутской области по своему племенному составу представляетъ значительное разнообразіе, при абсолютномъ господствѣ Якутскаго племени надъ всѣми остальными. Оно состоитъ изъ слѣдующихъ народностей: русскихъ, тунгусовъ, ламутовъ, якутовъ, юкагировъ, чуванцевъ и чукчей. Постараемся дать краткія свѣдѣнія о каждомъ племени въ отдельности и въ отношеніяхъ его къ другимъ племенамъ.

Русские.

Подвигаясь отъ Урала къ востоку, мы видимъ постепенное измѣненіе численнаго отношенія между русскимъ и инородческимъ населеніемъ. Тобольская губернія имѣть столь незначительный процентъ инородцевъ (8%), что по составу (а въ южныхъ округахъ и по густотѣ) своего населенія, она ни чѣмъ не разнится отъ большинства губерній Европейской Россіи. Енисейская губернія включаетъ еще въ себѣ только 10% инородческаго населенія. Иркутская губернія уже имѣть 73% инородцевъ, а Якутская область около 93%. Изъ 263,743 жителей области, занимающей площадь въ $3\frac{1}{2}$ миллиона кв. верстъ, только 17,247 ²⁾ челов. составляютъ русское населеніе, и, если мы

¹⁾ Рукопись этой статьи предоставлена авторомъ въ распоряженіе Якутскаго Областнаго Статистическаго Комитета для пользованія ею, по усмотрѣнію, при составленіи за 1894 г. «Памятной Книжки» Якутской области, имѣющей выйти въ свѣтъ осенью сего года.

²⁾ Всѣ приведенные цифры взяты изъ отчетовъ статистическихъ комитетовъ означеныхъ губерній за 1891 или 1892 гг.

изъ этого числа выключимъ невольныхъ обитателей области — ссыльныхъ (6078 челов.) и послѣдовавшихъ за ними родственниковъ (1890 челов.), то на вольныхъ обитателей останется цифра въ 9,279 чел., которая заключаетъ въ себѣ нѣкоторую долю непостоянныхъ жителей, въ лицѣ чиновниковъ, служащихъ и торговцевъ. Изъ этого видно, какъ мало Якутская область привлекала и привлекаетъ русскихъ колонистовъ.

Русское населеніе по Ленѣ тянется узкой и рѣдкой лентой, а отъ Якутска, какъ на сѣверъ до Ледовитаго океана, такъ и въ другія стороны, оно образуетъ на тускломъ полукочевомъ или бродячемъ инородческомъ фонѣ осѣдлыхъ пятна большей или меньшей величины, въ видѣ городковъ и селеній, или крапинки, въ видѣ замокъ, рыболовныхъ поселковъ и промышленныхъ зимовьевъ.

Коренное русское населеніе области состоить изъ потомковъ казаковъ, промышленниковъ, торговыхъ людей и крестьянъ, отчасти и ссыльныхъ, переселенныхъ въ разное время по трактамъ для ямщины и въ другіе пункты въ видахъ развитія земледѣлія.

Нѣть сомнѣнія, что завоеватели области и первые піонеры не были лучшими представителями русской культуры, но потомки ихъ представляютъ собою печальное явленіе пониженія типа этой культуры. Мѣстами они не только потеряли чувство своего культурнаго превосходства, столь свойственное всѣмъ европейскимъ колонистамъ среди вицшихъ расъ, но какъ будто потеряли способность къ движенію впередъ, далеко уступивъ въ этомъ отношеніи якутамъ. Крестьяне приленскіе, Амгинскаго и другихъ селеній, измѣнили своему родному языку, переняли нравы, обычаи и суевѣрія якутовъ, забыли ремесла, а кое-гдѣ обратились въ полукочевыхъ скотоводовъ¹⁾). Казаки въ г. Якутскѣ, отправляя службу, постоянно сталкиваясь, какъ и мѣщане, разночинцы и торговцы, съ пріѣзжими русскими, претворяя въ себѣ притокъ свѣжей русской крови, учась, наконецъ, въ школахъ, понемногу освобождаются отъ якутскаго вліянія, но тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ замікахъ, среди якутовъ, или не знаютъ по русски, или объясняются на немъ не лучше та-

¹⁾) Многіе изъ приленскихъ крестьянъ или совершенно не знаютъ русскаго языка или крайне плохо на немъ объясняются. Въ Амгинской слободѣ Милдендорфъ въ 50 гг. не нашелъ ни одного человѣка, настолько знающаго по русски, чтобы быть ему переводчикомъ. Теперь тамъ 3—4 человѣка нѣсколько знаютъ по русски, а крестьянскій староста ни слова не знаетъ. Тоже самое мы видимъ въ Нюрбинскомъ селеніи въ Вилюйскомъ округѣ. Селенія эти были заселены: Амгинское для развитія хлѣбопашества крестьянами изъ Илимскаго острога въ 1731 г.; Приленскія — для ямщины крестьянами Иркутской губерніи въ 1773 г. и въ концѣ 18 ст.; Нюрбинское — составлено администрацией изъ крестьянъ, раньше раабросанныхъ по округу среди Якутовъ, въ 1848 г.

тарь и своимъ развитіемъ и понятіями немногимъ превосходить крестьянъ. Тоже самое можно сказать о большинствѣ казаковъ командъ окружныхъ городовъ. Многіе изъ нихъ по типу не напоминаютъ собою русскихъ—до того форма головы, складъ лица и другіе физическіе признаки выдаютъ ихъ за инородцевъ. Насколько я замѣтилъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русскіе объявутѣли (какъ напр. на Амгѣ) или подверглись иной метисаціи (какъ въ Нижне-Колымскѣ), тамъ женщины сохранили чище русскій типъ, чѣмъ мужчины. Между первыми нерѣдко можно встрѣтить совершенно правильное миловидное русское лицико. Можетъ быть, это явленіе подтверждаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ антропологовъ о большемъ вліяніи отца на рождаемыхъ дѣвочекъ, чѣмъ матери, ибо первыя матери русскаго населенія области рѣдко были русскими.

Что же касается до домашней обстановки, пищи и другихъ условій жизни русскихъ въ городовъ, то за исключеніемъ скопцовъ и старовѣровъ, они ничѣмъ почти не отличаются отъ условій жизни якутовъ. Только жилища русскихъ состоять большей частью изъ домовъ-срубовъ, а не изъ юртъ.

На крайнемъ сѣверо-востокѣ, въ низовьяхъ Колымы, русскіе, правда, не только отстояли свой языкъ, но привили его какъ аборигенамъ юкагирамъ и чуванцамъ, такъ и пришельцамъ якутамъ, но языкъ этотъ, рядомъ съ сохраненіемъ формъ и оборотовъ древне-русскаго языка XVII столѣтія, подвергся столь крупнымъ измѣненіямъ,—особенно пострадала фонетика языка,—что пріѣзжему русскому невозможно понимать сююканіе низне-колымчанъ. Тамъ, на Колымѣ, какъ и на Индигирѣ, по Янѣ и въ устьѣ Лены, русскіе, оттѣснивъ отъ рѣчныхъ береговъ инородцевъ, обратились въ рыболововъ ихтиофаговъ и собаководовъ, подвергаются периодическимъ голодовкамъ и влачатъ болѣе жалкое существованіе, чѣмъ бродячіе оленеводы. Тамъ, на крайнемъ сѣверѣ осѣдлость не есть спутникъ большаго благосостоянія и поэтому не можетъ считаться высшей формой культуры, какъ это ни парадоксально. Бродячій, но сытый оленеводъ—чукча или тунгусъ—покровительственно и съ презрѣніемъ смотритъ на своего же собрата «сидячаго» рыболова, существованіе котораго зависитъ отъ милости первого. И русскіе рыболовы крайняго сѣверо-востока находятся въ матеріальной зависимости отъ бродячихъ народцевъ.

Но въ общемъ не слѣдуетъ обойти безъ вниманія тѣхъ могущественныхъ факторовъ, которые содѣйствовали измѣненію русской народности,—независимо отъ первичныхъ причинъ, какъ-то: невѣжества первыхъ русскихъ шонеровъ, мягкости натуры славянской, часто все-таки умѣвшихъ быть очень жестокими къ инородцамъ, движенія впередъ на авось, безъ ясной опредѣ-

ленной цѣли, безъ идеи (если не считать таковой соболей и ясакъ) и безъ руководящаго направленія.

Изъ этихъ факторовъ мы приведемъ наиболѣе важные. Во 1-хъ толь физической и моральной кризисъ, который совершился въ организмѣ и въ душѣ русскаго на новой, а подчасъ и невольной, но всегда суровой и холодной родинѣ, рѣзко отличающейся по условіямъ жизни отъ прежней; во 2-хъ недостатокъ русскихъ женщинъ, вслѣдствіе чего рѣдко можно встрѣтить коренного русскаго, въ жилахъ котораго не текла бы якутская или иная инородческая кровь; въ 3-хъ воздействиѣ громадной массы живущихъ, хитрыхъ и пронырливыхъ якутовъ на маленькую и податливую кучку русскихъ.

Но если первые переселенцы въ Якутской области якутѣли, то въ послѣднее время замѣчаемъ отрадное явленіе обратнаго движенія, исходящаго главнымъ образомъ изъ административнаго центра, куда все таки приливаются извѣ и гдѣ зарождаются внутри просвѣтительные элементы, устраняющіе бюрократическую рутину добра го старого времени и распространяющіе иѣкоторый свѣтъ въ глубь улусовъ. Съ одной стороны мы замѣчаемъ теперь попытки рѣшеній мѣстныхъ экономическихъ вопросовъ, съ другой стороны относительно недавно открытая учебная заведенія разныхъ вѣдомствъ, какъ реальное училище, женская прогимназія, семинарія, духовныя, начальныя и церковно-приходскія школы, съ каждымъ годомъ все больше выпускаютъ питомцевъ съ знаніемъ русскаго языка, съ иѣкоторымъ знакомствомъ съ природой и болѣе правильнымъ пониманіемъ началъ христіанскаго вѣроученія. Въ числѣ этихъ питомцевъ мы видимъ не мало якутскихъ дѣтей, хорошо усваивающихъ русскую рѣчь и русскія понятія. Возвращаясь въ свою среду, они распространяютъ тамъ знаніе русскаго языка и грамоты и вліяютъ на перемѣну воззрѣній и нравовъ. Въ городѣ же Якутскѣ русскій говоръ беретъ верхъ надъ якутскимъ. Въ началѣ и въ срединѣ этого столѣтія, по отзывамъ различныхъ путешественниковъ, на званыхъ вечерахъ не только богатыхъ русскихъ купцовъ, но и высшихъ администраторовъ якутскій языкъ употреблялся больше, чѣмъ русскій; теперь же всякий торгующій и зажиточный якутъ учится и старается говорить по русски.

Якуты.

Якуты ¹⁾, какъ и русскіе, — не первобытные обитатели области. По мнѣнію ученыхъ, ихъ первоначальной родиной были или верховья Енисея, или

¹⁾ Русское слово якутъ происходитъ, по мнѣнію Щукина, отъ монгольскаго Еко, заимствованного русскими отъ тунгусовъ. Вилуйскіе тунгусы, по словамъ Маака, называютъ якутовъ Яко. Бонзаровъ же допускаетъ, что якутъ есть монгольская форма

берега Байкальского озера, откуда вытѣснены они были бурятами во времена движенія монголовъ подъ начальствомъ Чингисъ-Хана. За отсутствіемъ у Якутовъ письменности и другихъ историческихъ памятниковъ, основанія для этого мнѣнія мы находимъ въ ихъ преданіяхъ, пѣсняхъ, названіяхъ мѣстъ и языкѣ¹).

Всѣ согласны въ томъ, что якуты составляютъ значительно омонголившуюся вѣтвь тюрко-татарскаго племени, первобытнымъ мѣстомъ происхожденія котораго лингвисты считаютъ Туркестанъ²).

Близость якутовъ съ другими тюркскими народностями подтверждается ихъ сходствомъ языка и физическихъ свойствъ — этихъ двухъ первенствующихъ элементовъ въ вопросахъ о племенному родствѣ. Лингвистическая изысканія академика о. Бѣтлинга вполнѣ установили родство якутскаго языка съ другими тюрко-татарскими нарѣчіями, въ томъ числѣ и съ турецкимъ.

По мнѣнію, хотя и преувеличеному, тюрколога Вамбери Константинопольской османли легко пойметъ якута, не смотря на сильное влияніе арабскаго языка на турецкій. Съ другой стороны ссыльные татары изъ Западной Сибири или Европейской Россіи быстро научаются говорить по якутски, не смотря на то, что якутскій языкъ всосалъ въ себя не мало монгольскихъ примѣсей.

Еще Миддендорфъ замѣтилъ два типа Якутовъ. Одинъ служитъ представителемъ чистой расы, имѣть овальный обликъ, носъ прямой, скучы мало выдающіяся, вѣки чуть скошенныя, стройный станъ и въ общемъ напоминаетъ собой киргиза. У другаго типа лицо имѣть монгольское очертаніе, разрѣзъ

множеств. числа отъ *яка*, и что при помощи измѣненій согласныхъ, допускаемыхъ турецко-татарскими нарѣчіями, *яка* тождественно съ словомъ *саха*, которымъ Якуты сами себя называютъ и которое въ старину означало человѣкъ, вместо теперешняго *кісі*. Въ сказкахъ и пѣсняхъ якуты еще говорять *саха-кісі* (акутъ — человѣкъ) вместо человѣкъ. Словомъ *саха* и теперь еще называется одинъ родъ Качинскихъ татаръ. Древнее название якутскаго племени было *Урангхаі*. Теперь этимъ именемъ называется одно татарское племя въ Монголіи. У якутовъ же это слово теперь означаетъ бѣдоваго чѣловѣка, чудака и употребляется иногда вм. слова *маник* — глупый, шаловливый — въ презрительномъ смыслѣ. (*Ueber die Sprache der Jakuten von Otto Böthlingk, s. XXXIV. B. III. Dr. A. Th. v. Middendorff's Reise in den Aussersten Norden und Osten Sibirien. St.-Petersburg 1851*, и готовящіяся къ печати якутско-русскій словарь Э. К. Пекарскаго).

¹⁾ Въ некоторыхъ пѣсняхъ поется, что жили они (якуты) когда-то въ теплой странѣ, у моря, въ большомъ изобиліи, гдѣ «не приходилось такъ мерзнуть и много трудиться, какъ здѣсь». На берегу Байкальского озера сохранились сходныя съ якутскими названія мѣстъ (напр. Амга), какія находимъ теперь тутъ. Мартъ мѣсяцъ по якутски Кулунуттары, т. е. время когда ловить и привлекать жеребятъ (кулун — жеребенокъ, тутар — ловить), чтобы не высасывали дойныхъ кобыль, а здѣсь это дѣлается только въ началѣ июня мѣсяца.

²⁾ Абель Овелакъ. *Лингвистика*, стр. 100.

глазъ узкій и косой, скулы сильно развиты, носъ широкій, губы толстые, длинное сутуловатое тѣло на короткихъ ногахъ и другіе признаки вліяній смѣшанія якутовъ, сначала съ бурятами, а потомъ съ покоренными ими тунгусами. Какъ у того, такъ и у другаго типа волосы прямые и черные; на тѣлѣ и на лицѣ растительность или совсѣмъ отсутствуетъ или состоять изъ рѣдкихъ волосиковъ, выщипываемыхъ якутами въ молодости и оставляемыхъ стариками, такъ что жидаенькая бородка, если она встрѣчается, является признакомъ преклонныхъ лѣтъ¹⁾.

Что якуты не на новой родинѣ сдѣлались пастушескимъ племенемъ, объ этомъ и говорить нечего. Весьма возможно, что до прибытія якутовъ въ область, впослѣдствіи названную Якутской, ей еще не были известны лошади и рогатый скотъ. По крайней мѣрѣ за Верхоянскимъ хребтомъ инородцы аборигены познакомились впервые съ послѣдними или черезъ якутовъ²⁾, или черезъ русскихъ³⁾. Есть указанія на то, что въ прежнія времена у якутовъ преобладалъ конный скотъ надъ рогатымъ; теперь же мы видимъ обратное отношеніе — рогатого скота вдвое больше, чѣмъ лошадей. Надо полагать, что причина этого явленія заключается въ качествѣ корма; что болотная трава Якутской области не могла замѣнить душистой зелени степей, а рогатый скотъ менѣе разборчивъ прихотливаго коня — отчасти это зависитъ отъ увеличенія населенія и уменьшенія пастбищъ для гуляющихъ табуновъ, питающихся какъ лѣтомъ, такъ и зимой подножнымъ кормомъ. При увеличеніи населенія, некошленныхъ мѣсть остается все меньше, и для конскихъ табуновъ не остается подножнаго корма на длинную зиму, вмѣстѣ съ тѣмъ само собой усиливается степень осѣдлости, при которой выгоднѣе содержать рогатый скотъ, молочные продукты котораго начинаютъ играть главную роль въ питаніи массы, лишившейся мясной пищи послѣ уменьшенія табуновъ и сокращенія или даже прекращенія звѣриныхъ промысловъ⁴⁾. Уменьшеніемъ ко-

¹⁾ Тоже самое мы видимъ и у большинства русскихъ областей. О спутникѣ недавно проѣхавшей на Яну экспедиціи подъ начальствомъ барона Толля лейтенантѣ Шилейко (молодой человѣкъ съ светло-русой бородой) якуты разсказываютъ какъ о «старичкѣ», автора этихъ строкъ русскіе Нижнеколымскаго края по тѣмъ же причинамъ прозвали «лохматымъ дѣдушкой». Очевидно у здѣшнихъ обитателей виѣшніе признаки для опредѣленія возраста отличны отъ нашихъ. Точно также европейцу трудно по наружности взрослого якута судить о его лѣтахъ.

²⁾ Словцовъ. Историческое Обозрѣніе Сибири, ч. I, стр. 79.

³⁾ Булычевъ. Путешествие по Восточной Сибири. Спб. 1856 г., ч. I, стр. 6.

⁴⁾ Въ Верхоянскомъ и Колымскомъ округахъ и теперь коней больше, чѣмъ рогатого скота. Не оттого-ли, что тамъ болѣе продолжительныя зимы, чѣмъ въ южныхъ округахъ, что не благопріятно для рогатого скота, а населеніе тамъ очень рѣдкое и много мѣсть (правда болотистыхъ), остаются некошленными за краткостью лѣта и недостаткомъ рабочихъ рукъ.

личества лошадей можно также объяснить упадокъ значенія кумыса, какъ пиши у якутовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что благосостояніе и вмѣстъ съ тѣмъ культура якутовъ понизилась на новой родинѣ. Съ одной стороны известно, что родственныя якутамъ тюркскія племена центральной Азіи достигли въ самыя древнія времена значительной степени культуры, а съ другой стороны мы видимъ, что на новой суровой и холодной родинѣ, не будучи природными охотниками, якуты не могли уже довольствоваться однимъ полуосѣдлымъ скотоводствомъ и для обеспеченія своего существованія должны были прибегнуть къ бродячей охотѣ, благопріятствуемой лѣсами глубокаго сѣвера и случайно имѣвшій мѣсто въ южныхъ степяхъ. При первомъ столкновеніи русскихъ съ якутами звѣриный промыселъ составлялъ уже главное занятіе послѣднихъ. Кромѣ того небольшая часть якутовъ обратилась въ бродячихъ оленеводовъ, а на крайнемъ сѣверѣ въ Верхоянскомъ и, главнымъ образомъ, въ Колымскомъ округѣ—въ жалкихъ ихтиофаговъ, отчасти или совсѣмъ лишившихся скота. Но не смотря на всѣ неблагопріятныя условія существованія въ столь суровой, полярной странѣ, якуты быстро примѣнились къ нимъ и выказали удивительную ассимиляціонную силу. Спустившись, какъ полагаютъ, подъ напоромъ бурятъ внизъ по Ленѣ, они съ среднихъ ея береговъ вѣромъ раскинулись во всѣ стороны. Они не только дошли на сѣверѣ до Ледовитаго океана и на востокѣ до Великаго, но совершили и обратное движеніе, хотя по нѣсколько инымъ направленіямъ—на западъ и сѣверо-западъ въ предѣлы Енисейской губерніи до Таймырскаго полуострова, на югъ черезъ Становой хребетъ въ область Амура. Захвативъ территорію и оттеснивъ другихъ инородцевъ, якуты, въ противоположность послѣднимъ, сильно размножились, не смотря на давленіе на нихъ русскихъ, на сильную смертность дѣтей вообще и на смертность взрослыхъ отъ частыхъ эпидемій. По переписи 1795 г. въ области было 50,066 якутовъ мужскаго пола ¹⁾, а черезъ 67 лѣтъ, въ 1862 г., ихъ уже было 102,307 мужчинъ и 98,725 женщинъ (201,032 чел.) ²⁾, а въ 1891 году ихъ уже числится 115,768 мужчинъ и 113,793 жен. (всего 229,561 чел.) ³⁾. Если къ этому числу прибавить якутовъ Приморской и Амурской областей, Иркутской (Киренскій округъ) и Енисейской губерній и якутское колѣно, неизвѣстно какими судьбами оторванное отъ племени, въ Туруханскомъ краѣ, Енисейской же губерніи, то якуты, пожалуй,

¹⁾ С. Маакъ. Виллюйскій округъ, Якут. обл., ч. III, стр. 121.

²⁾ Памятная книжка Як. обл. за 1863 г., стр. 34.

³⁾ Статистический отчетъ Якут. обл. за 1891 г.

сравняться по числу съ самыми многочисленными инородческими племенами Восточной Сибири — Бурятскимъ.

Какъ наружность якута съ его угнетеннымъ, унылымъ и подчасъ мрачнымъ взглядомъ, такъ и характеръ съ его лукавствомъ, хитростью, недовѣрчивостью, дерзостью и раболѣпіемъ и меркантильными способностями указываютъ на то, что малоизвѣстное прошлое этого племени не было легкимъ, что народъ этотъ былъ тѣснимъ, терпѣль обиды, подвергся изгнанію, а въ началѣ XVII столѣтія, на новой родинѣ, якутское племя настигъ новый врагъ, на знамени которого было написано неумолимое слово: ясакъ. Но, несмотря на всѣ нѣвзгоды, якуты сохранили свои национальные черты и увеличились въ числѣ.

Едва-ли есть на земномъ шарѣ какой-либо первобытный народъ безъ школы и письменности, который состоялъ бы изъ такихъ искусныхъ дипломатовъ, какъ якуты. Каждый якутъ — въ своемъ родѣ Талейранъ. Невольно поражаешься, когда видишь, какъ невзрачный якутъ въ глухи улуса обнаруживаетъ тонкое знаніе людей, способность льстить, умѣніе приводить въ движение тайная пружина тщеславія и притворяться наивнымъ. Политика какъ будто сдѣлалась врожденной чертой его характера. Ни одно дѣло какъ съ чужими, такъ и со своими, не дѣлается прямо, безъ хитостей и обходовъ. Если якутъ приходитъ къ своему сосѣду за какой-нибудь надобностью, онъ никогда не начнетъ со своей просьбы, а будетъ говорить о томъ, о семъ, а главнымъ образомъ о томъ, что интересуетъ сосѣда, который прекрасно знаетъ, что не въ этомъ суть или даже догадывается, въ чемъ дѣло, настороживается, но невольно поддается дѣйствію человѣческаго слова, да и самъ проситель увлекается своимъ искусствомъ и добивается наконецъ своего.

Не менѣе искусны якуты при совершенніи торговыхъ сдѣлокъ, изъ чего можно вывести заключеніе, что дѣло обмѣна имъ знакомо съ давнихъ временъ. Замѣчательно, что меркантильные способности сильно развиты не только у торговцевъ по профессіи, но и у всякаго якута. У него все продается, все покупается и ничего нѣтъ завѣтнаго, лишь бы получилась дѣйствительная или воображаемая выгода. «Купи», «продай», «мѣняйся» — эти слова чаще всего поражаютъ слухъ новичка при встречѣ якутовъ какъ съ русскими, такъ и со своими. Если якутъ нуждается въ какой-нибудь вещи, онъ о ней спросить всякаго проѣзжаго, когда она даже носится послѣднимъ, точно также всякий якутъ сниметъ со своего плеча часть костюма, когда пришла нужда, когда новинка соблазняетъ, или когда въ карты проиграется, и предложить ее вамъ.

Брезгливость къ ношенному незнакома якутамъ, а то, что находится въ

употреблениі у богатаго или торговаго человѣка, предпочтается новому и какъ честь, и какъ гарантія качества. Торгующій якутъ является самыи почетнымъ лицомъ, во 1-хъ, потому, что торговля предполагаетъ богатство, безъ котораго нѣтъ знатности; во 2-хъ, безъ купца не проживешь: натуральное хозяйство давно уже не можетъ удовлетворять всѣхъ потребностей якута, на привозные русскіе товары нѣтъ наличныхъ денегъ, а торговцы, т. е. богатые якуты, даютъ ихъ въ кредитъ, подъ будущіе продукты скотоводства, промысловъ, подъ сѣно, работу и т. д. Поэтому всякий болѣе или менѣе состоятельный якутъ имѣетъ свой районъ для операций, и занятіе торговлей и подрядами есть высшій идеалъ всякаго якута, ибо за тойономъ—начальникомъ непосредственно слѣдуетъ тойонъ—купецъ, который можетъ жить припѣвающи безъ всякаго труда. Этому обстоятельству, можетъ быть, и слѣдуетъ приписать отчасти упадокъ теперь большихъ скотоводческихъ хозяйствъ, такъ какъ обладатели большихъ стадъ сбывають часть скота для занятія торговлей.

Если русскій пріѣзжаетъ въ якутскій улусъ, и съ нимъ нельзя совершиТЬ никакихъ сдѣлокъ, то удивляются «зачѣмъ пріѣхалъ». Отношеніе якута къ русскому или какъ къ начальнику, или какъ къ посреднику обмѣна, или, наконецъ, какъ къ ссыльному, вытекаетъ изъ исторіи столкновеній ихъ между собой, происходившихъ только на этой почвѣ.

Рѣдко кто изъ русскихъ ѻздила къ якутамъ, не имѣя въ виду личной выгоды; это можно сказать и относительно первыхъ властей и даже духовенства, которые въ доброе старое время, какъ это видно изъ архивныхъ дѣлъ, пользовались запрещеніемъ въѣзда для купцовъ въ инородческія стойбища, чтобы, подъ видомъ сбора ясака и совершенія духовныхъ требъ, вести торгъ по улусамъ съ инородцами¹⁾.

И теперь еще есть глухіе уголки, гдѣ имѣется начальникъ купецъ и священникъ торговецъ. Но если нѣкоторымъ формамъ торговли якуты научились у русскихъ, то нѣтъ сомнѣнія, что и до русскихъ они играли известную роль, какъ посредники въ дѣлѣ обмѣна среди инородцевъ. Такіе компетентные судьи, какъ еврейскіе торговцы на якутскомъ базарѣ говорятъ, что они нерѣдко пасуютъ передъ ловкостью, изворотливостью и умѣньемъ якут-

¹⁾ Интересно, что прежнія запрещенія купцамъ ѻздитъ въ инородческія стойбища, въ видахъ огражденія инородцевъ отъ эксплуатации ихъ русскими и предупрежденія скучки ими ясачныхъ мѣховъ, были вызываемы представленіями правительству мѣстныхъ агентовъ управления, конкурентовъ по обиранію инородцевъ, и, можетъ быть, болѣе опасныхъ, чѣмъ профессиональные торговцы. Послѣдніе съ своей стороны посыпали доносы на администраиковъ, и высшая власть, всегда гуманно и доброжелательно относившаяся къ инородцамъ, сбивалась съ толку ихъ взаимными обвиненіями.

скаго купца быстро опредѣлить свою позицію и сообразить выгоду, а такія качества не пріобрѣтаются безъ долговременного опыта ¹⁾). Наконецъ, извѣстна роль якутскихъ торговцевъ по отношенію къ тунгусамъ и другимъ бродячимъ инородцамъ, о чмъ будеть упомянуто ниже.

Изъ всего сказанаго нельзѧ не сдѣлать заключенія о выдающихся, хотя, по историческимъ причинамъ, дурно направленныхъ, способностяхъ якутовъ по сравненію съ другими инородцами. Но все таки преувеличено мнѣніе, встрѣчаемое въ литературѣ о якутахъ, какъ объ отличныхъ мастерахъ и даже художникахъ—по крайней мѣрѣ въ настоящемъ. Одно можно сказать, что способность къ подражанію въ высшей степени развита у якутовъ, но рѣдко ихъ подражанія поднимаются до оригиналъ. Единственные мастера между якутами—кузнецы; они же въ улусахъ—серебряныхъ, золотыхъ и всякихъ дѣль мастеры; они вѣрно и ловко копируютъ самыми первобытными орудіями очень сложныя привозныя механическія издѣлія, но поддѣлки эти грубы: имъ недостаетъ тонкости работы и изящества отдѣлки оригиналъ. Работу якутского кузнеца, напр. топоръ, нельзѧ сравнивать съ работой послѣдняго коваля въ Россіи. Кустарная промышленность самая жалкая, а рѣзьба якутовъ на деревѣ или мамонтовой кости, если только не копируется съ русскихъ или другихъ образцовъ, груба, аляповата, въ линіяхъ нѣть симметріи, въ рисункахъ перспективы и во всемъ бѣдность фантазіи. Способности-же якута къ подражанію, преимчивости и движенію впередъ надо приписать тотъ переворотъ, который совершила въ якутской жизни, оставивъ въ сторонѣ административное на нее воздействиѣ властей, небольшая горсть русскихъ, не смотря на высокое мнѣніе самихъ якутовъ обо всемъ якутскомъ и на то, что русскіе пionеры сами очень немного знали ²⁾). Печать русского вліянія лежитъ на всемъ. Якутскій языкъ всосаль въ себя массу русскихъ словъ, подчинивъ ихъ, правда, своимъ законамъ благозвучія, но означающихъ часто также предметы, которые были извѣстны якутамъ еще до прихода русскихъ. Около городовъ якуты переняли отъ русскихъ многія ремесла: плотничье, столярное,

¹⁾ Надо замѣтить, что при всей ловкости, изворотливости и жадности якутскаго торговца, онъ сохранилъ еще много первобытныхъ чертъ, какъ непредусмотрительность, тщеславіе и жизнь настоящимъ. Якутъ подрядчикъ нерѣдко платить неустойку, а, разжившійся въ короткое время, торговецъ можетъ въ одинъ прекрасный день прокутить или проиграть въ карты все нажитое всѣми правдами и неправдами, съ тѣмъ чтобы съ примѣрнымъ терпѣніемъ опять начать съ азовъ не легкое дѣло наживы.

²⁾ По словамъ Словцова (тамъ-же, ч. I, стр. 43 и 88) первые русскіе пришельцы познакомились съ желѣзной рудой и съ плавкой отъ инородцевъ, и, въ томъ числѣ, отъ залівскихъ якутовъ.

телѣжное, гончарное ¹⁾), а также и кирпичное производство, продуктами которыхъ они снабжаютъ своихъ опустившихся учителей.

Въ Олекминскомъ округѣ, гдѣ климатическая и почвенные условия болѣе благопріятны для занятія земледѣлемъ, чѣмъ въ остальныхъ округахъ области, почти всѣ якуты пріобрѣли осѣдлость и сдѣлались земледѣльцами. Въ послѣднемъ отношеніи, и даже относительно огородничества, они не только оставили за собою приленскихъ крестьянъ, но нерѣдко являлись конкурентами главныхъ землепашцевъ области—скошцовъ. Но въ Олекминскомъ округѣ якутское населеніе не достигаетъ и 10000 чел.

Въ вѣрованіяхъ, семейной жизни, нравахъ и обычаяхъ якутовъ произошелъ крупный переворотъ. Христіанство не только съ формальной стороны повліяло на древній культь якутовъ, но въ значительной мѣрѣ измѣнило и самыя вѣрованія. Въ народной поэзіи якутовъ мы видимъ наслоенія христианского и былинного русского эпоса. Якуты образовали новый родъ творчества, состоящій въ исковерканныхъ сказаніяхъ о библейскихъ событияхъ и древне-русскихъ богатыряхъ и названный ими усторѣ (исторія).

Только въ началѣ этого вѣка, благодаря вліянію духовенства, у якутовъ укрѣпился моногамический бракъ ²⁾, а церковный обрядъ, хотя не всегда еще является первой церемоніей въ свадебныхъ обрядахъ, но, отнимая у брака значение одной гражданской сдѣлки, основанной на уплатѣ колыма, придаетъ ему религіозную санкцію.

Многіе изъ первобытныхъ нравовъ якутовъ смягчились подъ вліяніемъ русскихъ. Текущій якутъ стыдится признать тотъ фактъ, что еще въ недалекомъ прошломъ у нихъ практиковался обычай убієнія стариковъ и погребенія вмѣстѣ съ умершимъ господиномъ, живыми, кого-нибудь изъ домашнихъ и любимаго коня.

Теперь только гдѣ-нибудь въ глухи можно еще встрѣтить древній варварскій способъ убоя скота посредствомъ вскрытия воротной вены ³⁾.

¹⁾ Относительно гончарного дѣла необходимо замѣтить, что, судя по теперешнимъ приемамъ якутовъ при приготовленіи ими глиняной посуды, производство это имъ могло быть знакомо и до прихода русскихъ. Якуты обходятся безъ гончарного колеса и безъ формъ, а лѣпятъ посуду изъ отдельно сдѣланныхъ глиняныхъ плитокъ.

²⁾ См. Указъ Св. Синода отъ 19 мая 1804 года.

³⁾ На способъ этотъ обратилъ вниманіе областной начальникъ Мягкій. Въ 1828 году онъ приказомъ по области запретилъ его примѣненіе. Состоитъ этотъ способъ въ слѣдующемъ: у коня связываютъ все 4 ноги, валить его на землю и, вытянувъ у него языкъ, крѣпко завязываютъ ротъ, чтобы онъ не могъ ревѣть. Затѣмъ около заднихъ ногъ прорѣзываютъ кожу и брюшину, запускаютъ въ нее руку, отыскиваютъ воротную вену и разрываютъ ее. Послѣ этого животное въ страшныхъ конвульсіяхъ лишается сознанія и якуты вскрываютъ брюхо, чтобы собрать вытекшую изъ жилы кровь.

Послѣ прихода русскихъ для якутовъ открылась цѣлая область новыхъ потребностей и привычекъ, какъ полезныхъ, такъ и дурныхъ: рядомъ съ посудой, мануфактурными и другими издѣліями и колоніальными товарами завелись табакъ, карты и водка. Зачатки земледѣлія въ южныхъ округахъ вліяютъ на скотоводческое хозяйство, а знакомство съ хлѣбомъ, какъ родомъ пищи, меняетъ кореннымъ образомъ расчеты якутской экономіи. Если, наконецъ, якуты въ устройствѣ жилья еще держатся своей традиціонной юрты, то необходимая пристройка къ ней, срубъ—амбаръ, есть типъ русской архитектуры.

Вообще русская культура, какъ высшая, не могла не имѣть цивилизующаго вліянія на низшую, хотя первые ея представители и были плохи.

Если мы обратимся къ низовымъ Колымѣ, куда якуты пришли позже русскихъ и въ небольшомъ относительно послѣднихъ количествѣ, то увидимъ, что якуты, въ свою очередь, тамъ вполнѣ обрусили. Въ городѣ Ср.-Колымскѣ еще господствуетъ все якутское: языкъ и нравы; русские говорятъ лучше по-якутски, чѣмъ по-русски, а якуты русского языка совершенно не знаютъ. Въ 270 верстъ ниже Средне-Колымска, на лѣвомъ берегу Колымѣ, находится первое сплошное якутское селеніе «Кресты» съ домами—срубами, образующими правильную улицу; жители скота не имѣютъ, лѣтомъ занимаются рыболовствомъ, зимою—гоняютъ на оленяхъ казенную почту; говорятъ они по-русски и по-якутски. Еще сѣвернѣе на 230 верстъ, въ городѣ Нижне-Колымскѣ и его окрестностяхъ, живетъ первый Матюжскій родъ якутовъ, которые ничѣмъ—ни по образу жизни, ни по устройству домовъ, ни по языку, а нѣ—которые и по наружности—не отличаются отъ низовыхъ русскихъ. Какъ русские, они ни слова не знаютъ по-якутски: когда, во время весенней ярмарки, пріѣзжій съ верху якутъ заговорить со своимъ низовымъ соплеменникомъ на родномъ языке, послѣдній, выпучивъ глаза, толкнетъ въ бокъ «верхового» русского и скажетъ: «Братъ, а братъ, что такое онъ сказываетъ?» Надо сказать, что якуты эти вымираютъ; ихъ теперь осталось всего нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Въ другихъ же мѣстахъ области способность якутовъ навязывать свой языкъ другимъ народамъ поразительна. Русскій, тунгусъ, ламутъ или юкагиръ быстро якутуютъ, живя среди якутовъ. Якуту не нужно знать другихъ

Убой производится въ самой юртѣ, при сборѣ членовъ семьи, сосѣдей и гостей. На камелькѣ разводится яркій огонь. Кромѣ того юрту освѣщаютъ луchinами, которыхъ держать обыкновенно дѣти. Самы якуты говорять, что животное во время операциіи бываетъ въ судорогахъ, стонеть [и] плачетъ, какъ человѣкъ. (См. Дѣло Баагантайской Инородной Управы 1828 г. № 33).

инородческихъ языковъ, ибо всѣ вышепазванныя племена объясняются съ нимъ на якутскомъ языке. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ юкагиръ еще сохранилъ свой языкъ, тамъ, для объясненія со своимъ бродячимъ собратомъ—ламутомъ, онъ употребляетъ международное нарѣчіе—якутское. Одинъ чукча упорствуетъ передъ якутомъ, для сношенія съ которымъ послѣднему нуженъ тунгусъ переводчикъ.

Изъ всего сказанного можно сдѣлать заключеніе, что якуты имѣютъ всѣ задатки для прогресса какъ по своимъ природнымъ способностямъ, такъ и по отсутствію у нихъ въ нѣкоторой степени духа косности и консерватизма. Они подозрительно относятся къ административнымъ мѣрамъ, но они не принципиальные противники новизны, когда на нихъ дѣйствуютъ примѣромъ. Кромѣ того, въ якутской массѣ мы находимъ много такихъ добродѣтелей и достоинствъ, какихъ не найдемъ въ низшихъ классахъ многихъ культурныхъ народовъ. Любовь якутовъ къ дѣтямъ достойна вниманія. Хотя въ якутскомъ языкѣ, не меныше чѣмъ въ русскомъ, имѣется грубыхъ и неприличныхъ ругательствъ, но не надо забывать, что якуты, какъ первобытный народъ, съ наивной еще откровенностью, какъ въ пѣснѣ, такъ и въ рѣчи, называютъ всѣ вещи своими собственными именами. Они рѣдко дерутся, не почитая кулачной расправы. На якутовъ можно дѣйствовать резонами; они разсудительны и не лишены дара слова, а хороший говорунъ и умный человѣкъ въ большомъ почетѣ, даже если онъ бѣденъ, не смотря на то, что бѣдность считается однимъ изъ худшихъ пороковъ. Хотя, по обычаю, женщина продается (уплачивается колымъ), но въ семье она занимаетъ почетное мѣсто, какъ хозяйка, и никто надъ ней не совершилъ насилия, чтобы заставить ее жить съ нелюбимымъ мужемъ. И такъ, еслибы якуты имѣли болѣе частыя и тѣсные столкновенія съ болѣе культурнымъ слоемъ русскаго народа, чѣмъ были первые пионеры и позднѣйшіе поселенцы, и еслибы уровень благосостоянія массы могъ быть поднятъ, то способности якутовъ нашли бы себѣ другое примѣненіе, чѣмъ теперь, и они скоро могли бы примкнуть къ семье культурныхъ народовъ. Но, съ одной стороны мы видѣли, каковы были до сихъ поръ учителя якутовъ; съ другой—сама природа противъ нихъ: высокій градусъ широты—самый лютый врагъ человѣка. Якутская область со своими болотами, тундрами, холодомъ и короткимъ лѣтомъ даже изъ всѣхъ скотоводческихъ странъ наименѣе благопріятная для скотоводства ¹⁾). Она не можетъ также

¹⁾ Если мы сравнимъ ее напр. съ Голландіей, гдѣ траву косать 3 раза въ теченіи лѣта, Швейцаріей, въ которой ее косаютъ 5 разъ, или Италіей съ ея 6-ью ежегодными сѣновосами. Тамъ пастбищный периодъ длинѣе якутской зимы, а зима—періодъ стойловаго содержанія скота—короче якутскаго лѣта, или ея почти нѣть.

стать земледѣльческой страной по преимуществу, даже въ самыхъ своихъ южныхъ округахъ. Звѣрь отступаетъ передъ ростомъ населения или совсѣмъ исчезаетъ отъ безразсудного его истребленія, рыбное богатство не вывозится за отдаленностью области отъ рынковъ, за отсутствиемъ удобныхъ путей сообщенія, неприступностью сѣверныхъ мѣстъ и недостаткомъ пищи въ самой области; минеральная богатства, за исключеніемъ золота, не изслѣдованы и не представляютъ еще собою цѣнностей какъ по предыдущимъ причинамъ, такъ и по отсутствію рабочихъ рукъ, капиталовъ, предпріимчивости и техническихъ знаній, а также по причинѣ вѣчной мерзлоты почвы. Невольно, по этому, является вопросъ, чѣмъ можетъ оплачивать населеніе привозные продукты? Присматриваясь къ дѣйствительной жизни якутской массы, мы должны сказать, что болѣе жалкую трудно себѣ представить: скотоводческое племя, и оно рѣдко потребляетъ мясо; многіе якуты (зимой) остаются безъ молока, пѣлая масса якутовъ не въ состояніи приобрѣсти ситцу или дабы на рубаху и одѣваются исключительно въ скотскія шкуры; въ глухи нерѣдко старики и дѣти ходятъ почти или совсѣмъ голые. Питаніе массы якутовъ противорѣчитъ всѣмъ общепринятымъ предписаніямъ гигіи. Они всасываютъ въ себя ядъ гнилой рыбы, павшаго скота и, за рѣдкимъ избыткомъ въ съѣстныхъ продуктахъ слѣдуютъ долгіе посты и голодъ. Въ лѣтнее время человѣкъ, какъ и скотъ, набираютъ про запасъ жиры, а къ веснѣ они тошаютъ до неузнаваемости. У коннаго скота щупаютъ шею для опредѣленія степени ожиренія (такихъ степеней три: полный жиръ (толу сыа), бѣлый (тынга сыа) и красный (кысыл сыа), затѣмъ слѣдуетъ терминъ сухой); точно также и человѣка щупаютъ подъ грудной клѣткой—есть ли запасецъ подъ кожей: отъ правильно чередующихся между собой периодовъ относительно изобилия и почти полнаго отсутствія пищи въ организмѣ человѣка выработался процессъ быстрого откладыванія жира.

За недостаткомъ мѣста мы должны отказаться отъ подробнаго описанія якутскаго жилья съ его камелькомъ, хотон'омъ (отдѣленіемъ въ юртѣ для скота), грязью, запахомъ коровьяго кала, которымъ пропитаны одежда и никогда не моющееся тѣло якута, и всѣхъ прочихъ непривлекательныхъ сторонъ ихъ жизни. Обратимся еще только къ духовному развитію якутовъ. Въ настоящее время всѣ они числятся православными, но они христіанѣ больше по имени, чѣмъ по существу. Ихъ набожность состоитъ главнымъ образомъ въ механическомъ исполненіи нѣкоторыхъ обрядовъ. Пониманіе сущности христіанства недоступно еще и многимъ развитымъ якутамъ; масса-же, по своему міровоззрѣнію, еще предана шаманству, которое уживается рядомъ съ обрывками изъ священной исторіи. Каждое лицо св. Троицы у якутовъ—отдѣльный богъ,

Богородица — тоже богъ, святые — тоже боги. Въ Верхоянскомъ округѣ я разъ спросилъ многихъ собравшихся якутовъ: какихъ святыхъ они болѣе всего празднуютъ, и мнѣ стали считать по пальцамъ: Воскресеніе, Иннокентій, Никола, 1-й Спасъ, 2-й Спасъ, 3-й Спасъ и т. д. Въ церкви якуты, по отдаленности и разбросанности другъ отъ друга жилищъ, рѣдко бываютъ. Домашнее богомоленіе въ праздничные дни заключается въ слѣдующемъ: передъ иконами зажигаются церковныя свѣчи, подъ ними на горячѣе угляя кладутъ ладанъ, и ставить на столъ наиболѣе лакомое блюдо — тарелку съ плавающими въ маслѣ оладьями или коровью губу — и вся семья и гости, обративъ лицо къ иконамъ, кланяются имъ и крестятся въ безмолвіи въ теченіе получаса или часа. Кромѣ описанныхъ обрядностей христіанство мало измѣнило у якутовъ складъ народнаго мышленія и вѣрованій, и нѣть того сознанія своего христіанства, которымъ якутъ рѣзко отличалъ бы себя отъ некрещенаго инородца. Наружное благочестіе якута можетъ многихъ ввести въ заблужденіе. Онъ оказываетъ священнику почтеніе, приготовляется къ его встрѣчѣ, кланяется въ ноги, цѣлуетъ руку, проситъ благословенія, но все это нельзѧ принять за чистую монету. Съ одной стороны якутъ въ религіозномъ дѣлѣ является такимъ же ханжей, какимъ онъ бываетъ лицемѣромъ въ житейскихъ дѣлахъ, съ другой — для него священникъ — и духовное лицо, могущее принести ему вредъ помощью невидимыхъ силъ, съ которыми имѣеть сношенія, и — начальникъ. Въ обоихъ случаяхъ на якута больше дѣйствуетъ страхъ, чѣмъ вѣра въ христіанскомъ смыслѣ. Когда молитва священника не помогаетъ, онъ обращается къ шаману. Не касаясь тутъ понятій якутовъ о происходженіи мира, они въ жизни прежде всего материалисты. Христіанское ученіе о матеріи и духѣ, о духовной жизни въ противоположность къ плотской, о пренебреженіи къ богатству и земнымъ благамъ, о постѣ, монашествѣ и т. д., имъ еще мало доступно, точно также не многимъ уже понятны христіанская этика и представление о грѣхѣ вообще. На христіанство якутъ перенесъ свои прежнія языческія воззрѣнія на божество, какъ на дѣятеля, который постоянно вмѣшивается въ человѣческія дѣла, который то и дѣлаетъ, что причиняетъ людямъ въ материальномъ смыслѣ добро или зло и послѣднее больше чѣмъ первое, поэтому необходимо его умилостивлять. Поставленное во время богомоленія лакомое блюдо есть такимъ образомъ остатокъ грубаго фетишизма и переживаніе обычай приносить жертвы духамъ предковъ и богамъ. Имитативное усвоеніе въ той или иной степени обрядовой стороны религіи мало еще говорить за пониманіе ея сущности. Такое положеніе вещей вытекаетъ изъ разбросанности якутовъ и отсутствія воспитанія и школы для молодежи. Есть мѣста, въ которыхъ священникъ бываетъ разъ въ годъ или въ 2 года, и

не многие изъ нихъ стоять на высотѣ своего положенія, небрежно относясь къ своимъ духовнымъ обязанностямъ, не просвѣщаю паству, а механически исполняя требы, за которые взимаютъ высокую плату, и преслѣдую только материальную выгоду.

Въ Верхоянскомъ, Колымскомъ и сѣверныхъ частяхъ другихъ округовъ, гдѣ населеніе рѣже и приходы обширны пространствомъ, священникъ обыкновенно объѣзжаетъ приходъ зимой, когда улусъ выставляетъ ему для этой цѣли лошадей или оленей съ нартами. Тогда священникъ креститъ младенцевъ, иногда и взрослыхъ (бывшихъ до тѣхъ поръ гдѣ-нибудь въ глухи и не имѣвшихъ случая видѣть священника), исповѣдываетъ, пріобщаетъ св. Троицу, отпѣваеть умершихъ, давно похороненныхъ, и вѣнчаетъ брачущихся, сожительство которыхъ почти всегда начинается до церковнаго обряда, вокругъ стола, на которомъ полагаются Крестъ и Евангелие, а вместо вѣнцовъ на главы возлагаются обыкновенно грудные металлические кресты со шнурками. По большей части при объѣздѣ священникъ ограничивается только исполненіемъ требъ. Обычай или необходимость—не смотря на ружный сборъ—взимать за нихъ плату, деньгами или натурой, мѣшаетъ установлению довѣрія со стороны якутовъ и духовному вліянію священника на паству. А если священникъ—человѣкъ малоразвитый въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, то онъ ложится бременемъ на населеніе. Мне приходилось видѣть возвращающихся съ объѣзда прихода священниковъ, за которыми слѣдовали обозы съ припасами. Въ сѣверныхъ округахъ, во время оспенной эпидеміи въ 1890 году, некоторые священники отпѣвали покойниковъ ио полученіи только коровы или лошади. Нѣсколько лучше дѣло стоитъ въ ближайшихъ къ Якутску и въ другихъ мѣстахъ съ болѣе густымъ населеніемъ, гдѣ церковь не столь далека отъ границъ прихода, прихожане чаще ее посѣшаютъ, а священники ближе къ епархиальнымъ властямъ и культурнымъ элементамъ.

Тунгусы и ламуты ¹⁾.

Тунгусы въ Якутской области, подобно якутамъ, пришлое племя. Они, какъ и манчжуры, покорившіе китайцевъ, вышли изъ приамурскихъ странъ ²⁾,

¹⁾ Сибирскіе казаки учили тунгусовъ въ началѣ XVII ст. и название ихъ заимствовали у остыковъ. Страленбергъ объясняетъ, что Арины—народъ, жившій на берегахъ Енисея, называли тунгусовъ тонг-кзе, т. е. люди трехъ родовъ, но онъ полагаетъ, что тунгусы суть «водяные монголы», упоминаемые древними писателями, и производить слово тунгусъ отъ татарского слова тенгис—море, въ знакъ того, что тунгусы пришли изъ за Байкальского моря. По тунгусски озеро значить тунгэр. Тунгусы сами называютъ себя овен, а оленные—ороча. По занятіямъ ихъ можно дѣлить на оленныхъ, рыболововъ-собаководовъ (Ламуты), скотоводовъ и даже земледѣльцевъ (Доуры).

²⁾ А. Шренкъ. Объ инородцахъ Амурскаго края, т. I, стр. 94. Спб. 1883.

по пошли по другимъ направлениямъ, распространяясь на западъ до Енисея, на съверъ до Ледовитаго океана и на востокъ до Охотскаго моря. Тунгусы, ламуты и манчжуры, по мнѣнию ученыхъ, имѣютъ общее происхожденіе, образуя отдельную вѣтвь монгольской расы — тунгузскую¹⁾). Тунгусы, приближаясь болѣе, чѣмъ тюрки, по наружному виду къ собственно монголамъ, имѣютъ нѣкоторыя оригинальныя особенности, по которымъ ихъ легко узнать. Особенныя характеры у тунгуса четырехугольная форма лба, круглая большія глазницы, въ которыхъ глубоко сидятъ узкіе съ косымъ разрѣзомъ глаза и тонкія губы, изъ которыхъ верхняя довольно длинная. Росту тунгусы небольшаго съ сравнительно большой головой, широкими плечами, немного короткими конечностями и маленькими руками и ногами, несмотря на большое употребленіе послѣднихъ. Какъ всѣ съверныя, бродячія племена, тунгусы по тѣлосложенію худощавы, сухи, мускульны и жилисты; тучныхъ и жирныхъ, какими бываютъ большинство якутскихъ богачей, между ними нѣтъ. Цвѣтъ кожи у нихъ желтовато-бурый, глаза каріе, волосы черные, прямые, толстые и густые; растительность на лицѣ или очень рѣдкая или отсутствуетъ, черепъ широкъ, а лицо обыкновенно нѣсколько вытянуто въ длину, широко въ щекахъ и съуживается по направленію ко лбу; скулы выступаютъ впередъ, носъ около корня широкій и плоскій, къ низу слегка выпуклый, небольшой и тонкій.

Между тунгузскими племенами на Амурѣ есть скотоводы, такъ называемые «конные», и въ небольшомъ количествѣ осѣдлые земледѣльцы. Тоже самое мы видимъ и въ Забайкальи. Въ Якутской же области тунгусы до сихъ поръ не измѣнили своего исконнаго образа жизни и не усвоили себѣ новыхъ потребностей и привычекъ, сдѣлавшись даже сосѣдями русскихъ. Они еще и теперь почти всѣ исключительно бродячіе звѣроловы²⁾),

Послѣ кровавыхъ схватокъ съ якутами³⁾, преданія о которыхъ Гемлинъ и Миллеръ еще слышали въ прошломъ столѣтіи, тунгусы отступили на окраины, въ горные лѣса, богатые звѣремъ, или на безлѣсныя вершины хребтовъ и на тундры, покрытыя мохомъ и изобилующія дичью. Въ этихъ мѣ-

¹⁾ Тамъ же. Лингвистика. А. Овелакъ, стр. 106.

²⁾ По Маѣ (притоку Алдана) есть 4 рода полукочевыхъ тунгусовъ, у которыхъ скотоводство играетъ большую роль, чѣмъ звѣроловство; между ними есть даже нѣсколько человѣкъ, занимающихся земледѣліемъ и въ другихъ мѣстахъ якутскаго округа (въ Западно-Кангаласскомъ улусѣ) отдельные роды тунгусовъ рядомъ съ оленями заводятъ рогатый скотъ и селятся на одномъ мѣстѣ, оставивъ бродячій образъ жизни, но эти тунгусы, поженившись на якуткахъ, быстро якутѣютъ, забываютъ свой языкъ и по наружности ихъ трудно отличить отъ якутовъ — только официально они числятся тунгусами (Нюрбуганскій родъ на рѣчкѣ Чинѣ, л. притокѣ Лены).

³⁾ А. Шренкъ, тамъ же, ч. I, стр. 35.

стахъ, годныхъ для охоты и олениводства, ихъ оставили въ покой въ терри-
ториальномъ отношеніи, но якутскіе и русскіе торговцы слѣдовали и слѣдуютъ
за ними, чтобы за безцѣнокъ отбирать результаты охоты.

По характеру и нравственнымъ качествамъ тунгусъ представляетъ собою
противоположность якуту и стоитъ выше всѣхъ остальныхъ инородцевъ. Съ
открытымъ, добродушнымъ и беспечнымъ лицомъ онъ сохраняетъ веселость
въ нищетѣ и не унываетъ ни предъ какими бѣдами и невзгодами. Предан-
ные ¹⁾ и услужливые до раболѣства, тунгусы умѣютъ сохранять собственное
достоинство и быть гордыми безъ чванства. Они презираютъ ложь и могутъ
служить образцомъ честности. Силки, канканы, западни, самострѣлы, постав-
ленные однимъ лицомъ, неприкосновены для другаго, чего не бываетъ у
якутскихъ и русскихъ звѣролововъ, ворующихъ изъ чужихъ снарядовъ по-
павшаго звѣря ²⁾. Извѣстно также отношеніе тунгусовъ къ своимъ долго-
вымъ обязательствамъ. Они свято хранятъ старыя бумажки, на которыхъ за-
писаны долги отцовъ и дѣдовъ, сами на себя предъявляютъ эти долговыя
расписки кредиторамъ, пипущимъ на нихъ, что хотятъ. Тунгусъ не стра-
шится опасности, презираетъ страданіе и не боится смерти. Ихъ можно на-
звать, по выражению Реклю, геропическими зародомъ. Поэтические въ рѣчи и
щеголеватые манерами ³⁾, тунгусы, а въ особенности тунгузки, одѣваются съ
большимъ вкусомъ. Костюмъ ихъ, поражающій нерѣдко богатствомъ и состоя-
щій изъ замши и мѣховъ, покрыть узорами изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ
сукна, лентъ, шолку, бисеру и металлическихъ блестокъ. Покрой платья съ
узкой таліей весьма оригиналъ, а рисунки на немъ, вышивки, бахромки
отличаются правильностью и красотой. Если въ душѣ тунгуса въ достаточ-
ной степени развиты этическое и своеобразное эстетическое чувство, то въ ма-

¹⁾ Они болѣе всѣхъ инородцевъ преданы представителямъ власти и могутъ слу-
жить надежной опорой порядка. На чукотской ярмаркѣ на Анюѣ ламуты составляютъ
для крѣпости, при ничтожной и жалкой казачьей командѣ, охранный отрядъ съ нару-
жными караульными постами, на случай беспорядковъ со стороны дикихъ и своеобразныхъ
чукчей, которые боатся небольшихъ, худенькихъ, но мѣтко стрѣляющихъ ламутовъ.

²⁾ Не могу тутъ не вспомнить характерного факта. Прожажая по Верхоянскому
округу на оленяхъ, мы на одномъ станкѣ обнаружили пропажу части провизіи и обра-
тились къ ямщикамъ тунгусамъ, но они гордо и съ упрекомъ отвѣтили: «мы не якуты,
это не наше дѣло». Кража, какъ потомъ оказалось, была совершена на предыдущемъ
станкѣ ямщиками-якутами, которые вообще склонны къ воровству, а при видѣъ съст-
наго не могутъ устоять отъ соблазна.

³⁾ Позволю себѣ привести тутъ одну поэтическую сцену, видѣнную мной на Анюѣ-
ской ярмаркѣ. Къ воротамъ крѣпости подѣлѣжаетъ въ нартакахъ и верхами на оленяхъ
тунгузскій таборъ. Мужчины быстро соскакиваютъ со своихъ оленей, опускаются передъ
своими амазонками на одно колѣно, а на другое дама становится, сѣзая съ сѣда. На-
стоящіе рыцари тундры!

териальной жизни онъ является стоикомъ ¹⁾). Воздержность, умѣренность и довольство малымъ доходятъ у тунгуса до нее plus ultra. По цѣлымъ днамъ, даже во время жестокихъ морозовъ, онъ можетъ обойтись безъ пищи, сохраняя при томъ энергию и бодрость—точно продолжительный холодъ дѣйствуетъ на его тощій организмъ какъ алкоголь на желудокъ, возбуждая пищевареніе въ маленькихъ дозахъ и замедляя процессы питания въ большихъ. Лѣтомъ, если охота плоха, тунгусъ можетъ жить ягодами тундры или мелкой рыбой горныхъ рѣчекъ. Жители горъ или, какъ здѣсь русскіе называютъ, «Каменные тунгусы», лѣтомъ удаляются отъ комара и овода на ихъ вершины, а зимой бродятъ по ущельямъ и падямъ хребтовъ. Съ топоромъ за поясомъ и кремневымъ ружьемъ и лукомъ за плечами, худой и гибкій тунгусъ быстро скользитъ на лыжахъ по поверхности глубокихъ снѣговъ или мчится по тонкому льду, слѣдя указаніямъ своей умной собаки, ловко отыскивающей слѣдъ и тонко «хватящей духъ» звѣря.

Убивъ лося, оленя или горнаго барана и отрѣзавъ кусокъ для своего подкрайленія, тунгусъ радостно отправляется за своимъ таборомъ. Жилище его (ураса) также легко какъ и его костюмъ. Оно состоитъ изъ 1—2 десятковъ тонкихъ жердей, поставленныхъ конусомъ и обтянутыхъ ровдугой (замша, выдѣланная изъ оленевыхъ шкуръ), оно легко навычивается на оленя и переносится къ мѣсту промысла. Тамъ женщины очищаютъ землю отъ снѣга, кладутъ на нее хвою, мѣста для сидѣнья устилаютъ олеными шкурами, въ серединѣ урасы разводятъ постоянно поддерживаемый огонь, и жилье готово; но холодъ въ немъ такой, что только полярный житель въ состояніи его выносить. Покончивъ съ добычой, тунгусъ опять снимается и вѣчно такимъ образомъ бродить—онъ счелъ бы себя несчастнымъ, если бы ему долго пришлось сидѣть на одномъ мѣстѣ. Поэтому понятна роль тунгузского оленя въ качествѣ домашняго животнаго и рабочаго скота. У тунгусовъ обыкновенно нѣтъ большихъ стадъ, и немногіе изъ нихъ занимаются оленеводствомъ, какъ главнымъ промысломъ, но они умѣютъ дрессировать оленей, хорошо выѣзживъ и приспособивъ ихъ также на особыхъ сѣдахъ къ верховойѣездѣ, къ чему чукотскіе олени совершенно не годны ²⁾). Что же касается до зѣвроп-

¹⁾ Къ сожалѣнію надо замѣтить, что тунгусы, постоянно живущіе среди якутовъ или на пріискахъ, подверглись порчу нравовъ, научившись лгать, обманывать и плутовать.

²⁾ Оленеводствомъ по преимуществу занимается Ламухинскій родъ, бродящій въ сѣверо-западной части Намскаго улуса Якутскаго округа у границъ Вилуйскаго, и въ извѣстной степени тунгусы Олекминскаго округа, занимающіеся доставкой на оленяхъ на пріиски лѣснаго материала. На крайнемъ сѣверѣ русскіе называютъ чукотскихъ одес-

довства, то смѣло можно сказать, что наиболѣе значительная часть пушнины, главнымъ образомъ бѣлка, добывается въ области тунгусами. Иркутскимъ купцамъ она достается чрезъ посредство якутскихъ и русскихъ торговцевъ за табакъ, порохъ, свинецъ, муку, посуду, цвѣтное сукно и водку, отчасти только за деньги, нужные тунгусамъ для взноса ясака. Въ средѣ же самихъ тунгусовъ еще въ полной силѣ натуральное хозяйство; каждая семья дѣлаетъ для себя все, что ей нужно; промышленности, кроме выдѣлки немногихъ ровдугъ, никакой нѣть; изъ ремесль известно только занятіе кузнеца съ его походной кузницей. Онъ выковываетъ снаряды для охоты, украшенія для одежды и принадлежности и побрякушки шаманского костюма. Искусство это въ большомъ почетѣ, и чаще всего кузнецъ и шаманъ совмѣщаются въ одномъ лицѣ. О христіанствѣ тунгусовъ (такъ какъ официально они всѣ считаются православными) можно сказать, что оно еще болѣе, чѣмъ у якутовъ, состоитъ въ исполненіи по временамъ небольшаго количества обрядностей, перемѣшанныхъ съ дѣйствіями шаманского культа.

Изъ числящихся въ Сибири 50.000 тунгусовъ въ Якутской области, по послѣднимъ даннымъ статистического комитета, теперь находится 9.089 человѣкъ, а въ 1862 году ¹⁾ ихъ числилось 10.643 чел. Уменьшеніе тунгусского населенія, хотя не столь значительно, какъ у другихъ мелкихъ племенъ, но оно несомнѣнно указываетъ на его вымирание (за 30 лѣтъ оно уменьшилось на 15%). Этому явлению имѣются какъ общія, такъ и частныя причины. Охотничіи племена фатально должны исчезнуть при урѣзываніи ихъ территоріи, если сами не могутъ перейти къ другой культурѣ; звѣрь сократился въ числѣ, а затѣмъ оспа и другія инфекціонныя болѣзни, принесенные русскими, эксплуатація тунгусовъ торговцами и частыя голодовки дѣлали свое дѣло. Теперь можно найти не мало тунгусскихъ и ламутскихъ семей (особенно на сѣверѣ) совсѣмъ лишившихся оленей. Они лѣтомъ пытаются рыбнымъ промысломъ на горныхъ рѣчкахъ, а зимой находятся на жалкомъ иждивеніи якутскихъ улусовъ, къ управамъ которыхъ они прописаны, будучи распределены по юртамъ, какъ поселенцы; но, не въ примѣръ послѣднимъ, они за скудную пищу исправляютъ всякаго рода работы. На крайнемъ сѣверѣ такіе обнищалые тунгусы ианимаются у якутовъ — содержателей станковъ

ней «дикими» или «каргенами» (каргенъ по чукотки олень), на которыхъ можно бѣдить только въ санкахъ, и они не такъ выносливы, а тунгусскихъ — «ѣжалыми». Эти оба рода оленей отличаются между собою не только воспитаніемъ, но и наружностью и строениемъ. Чукотскіе олени темнѣе цвѣтомъ, длинаѣе тѣломъ, короче ногами и неуклюжѣе тунгусскихъ.

¹⁾ Памятная книжка Якутской области 1863 г.

въ ямщики въ оленямъ, въ пастухи къ чукотскимъ стадамъ и служить переводчиками между чукчами съ одной стороны и прѣезжающими на тундру для торга съ ними якутами и русскими—съ другой. Изъ этого можно видѣть, что у тунгусовъ есть способность къ усвоенію діалектовъ совершенно различныхъ лингвистическихъ группъ. Большинство тунгусовъ знаетъ якутскій языкъ, многие объясняются по русски, а сѣверные тунгусы научились и по чукотски. Ламуты, живущіе съ юкагирами, говорять по юкагирски (въ верховьяхъ Колымы).

Остается еще сказать кое-что о ламутахъ. Такъ называютъ нѣсколько тунгусскихъ колынъ, кочующихъ по Верхоянскому и Колымскому округамъ. Ламутъ происходить отъ тунгусского слова ламъ, означающаго море; этимъ именемъ окрестили сначала тунгусовъ, пришедшихъ къ Охотскому морю и поселившихся тамъ, обратившись по большей части въ осѣдлыхъ рыболововъ. Пришли-ли ламуты крайняго сѣвера въ упомянутые округа изъ Приморской области черезъ Становые горы или съ юга черезъ Верхоянскій хребетъ и названы тоже ламутами по близости ихъ отъ Ледовитаго океана — неизвѣстно; но по образу жизни они расходятся съ приморскими ламутами, ничѣмъ не отличаясь отъ прочихъ тунгусовъ Якутской области. Ихъ теперь считаютъ въ Области 2.126 человѣкъ.

Юкагиры и Чуванцы.

Въ то время какъ описанныя уже племена считаются пришлыми, юкагировъ можно назвать коренными обитателями крайняго сѣверо-востока. По сохранившимся преданіямъ они составляли когда-то многочисленный народъ, территорія которого распространялась далеко на югъ, а на сѣверѣ они вели борьбу съ сильнымъ чукотскимъ народомъ, пока съ юга не стали напирать на нихъ сначала тунгусы, а потомъ якуты, и не двинулись на нихъ съ двухъ сторонъ русскіе—съ сѣвера моремъ, съ юга черезъ горы. При первомъ столкновеніи русскихъ съ юкагирами (въ началѣ XVII-го столѣтія) послѣдніе переживали каменный вѣкъ, не зная еще употребленія металловъ и не обладая искусствомъ варить пищу. Воду еще кипятили въ деревянныхъ корытахъ помощью раскаленныхъ камней. Путешественникъ Геденштромъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія нашелъ еще на островахъ Ледовитаго океана слѣды землянокъ и орудій каменного вѣка вымершихъ или укочевавшихъ юкагировъ¹⁾.

¹⁾ Геденштромъ. Отрывки о Сибири. Спб. 1830 г.

Нѣтъ сомнінія, что въ наружности юкагировъ мы находимъ не мало признаковъ монгольской расы, какъ болѣе или менѣе выдающіяся скулы или консолежащіе глаза, но цветъ (болѣе свѣтлый) и очертанія лица и форма головы отличаются значительнымъ своеобразіемъ. Въ вопросѣ о родствѣ юкагировъ съ какой-либо изъ Урало-Алтайскихъ группъ существуетъ между учеными разногласіе. Гмелинъ причисляетъ ихъ къ тюркамъ; Биллингсъ и Миддендорфъ къ тунгусамъ; Пешель называетъ ихъ азіатами неопределенного этнографического характера (*Nordasiaten von unbestimpter systematischer Stellung*)¹). Академикъ Шифнеръ, подвергнувъ научному изслѣдованию образчики юкагирского языка, собранные барономъ Майделемъ (въ 1868—1870 гг.), пришелъ къ заключенію, что по диалекту юкагиры составляютъ особый народъ среди Сибирскихъ инородцевъ²). Точно также и Шренкъ³) причисляетъ ихъ по языку къ народамъ-особнякамъ Азіи. Врангель на основаніи слышанаго имъ на Колымѣ преданія⁴) сообщаетъ объ исчезнувшемъ теперь народѣ Омоковъ, какъ о древнихъ обитателяхъ сѣверо-востока Сибири. Геденштромъ⁵) полагаетъ, что юкагиры суть остатки этихъ Омоковъ, а бывшій чукотскій миссионеръ св. Аргентовъ слышалъ отъ самихъ юкагировъ, что Омоки были ихъ предками⁶). Преданіе это мы часто встрѣчаемъ въ научной литературѣ по народовѣдѣнію, какъ нѣчто установленное, а между тѣмъ слово Омокъ само по себѣ есть пустой звукъ безъ этнографического содержанія. Нѣтъ сомнінія, что особаго народа подъ именемъ омоковъ никогда не существовало. Преданіе-же о происхожденіи юкагировъ отъ какихъ-то Омоковъ можно объяснить лексически. Якуты словомъ Омукъ обозначаютъ всякаго чужаго человѣка. «Омукъ» якутъ говоритъ не только объ иноплеменнике, но и о другомъ якутѣ другаго улуса, другаго рода и даже другаго мѣстожительства, чѣмъ онъ самъ. Якуты по приходѣ въ Якутскую область несомнѣнно этимъ словомъ окрестили всѣхъ ся прежнихъ обитателей, въ томъ числѣ и юкагировъ. Въ памяти же послѣднихъ и русскихъ все это перепуталось и якутскимъ словомъ чужой стали именовать своихъ предковъ сами юкагиры.

Изъ юкагировъ, бывшихъ нѣкогда богатыми оленеводами и звѣроловами, сохранили еще небольшія стада юкагиры Вѣрхоянского округа, которые бро-

¹) O. Peschel. *Völkerkunde*. Leipzig. 1874. S. 413.

²) Schiefner. Bar. G. v. Maydell's jukagirische Sprachproben. Bull. de l'Acad. Imp. des Sc. T. XVII, p. 86.

³) Шренкъ, тамъ-же, стр. 256.

⁴) Врангель. Путешествіе по сѣв. бер. Сибири и по Ледовитому морю. Ч. II. Сиб. 1841 г., стр. 81.

⁵) Отрывки о Сибири, стр. 97.

⁶) Записки Спб. Отд. Импер. Русс. Геогр. Общ. 1857 г., кн. IV.

дять на тундрѣ между рр. Яной и Индигиркой, подходя близко для обмѣна къ селенію Усть-Янскъ. Юкагиры же Колымскаго округа давно лишились своихъ стадъ ¹⁾). Тѣ изъ нихъ, которые обитають въ низовьяхъ Колымы, занимаются главнымъ образомъ рыболовствомъ и отчасти только звѣроловствомъ. Юкагиры верховьевъ Колымы ведутъ кочевой образъ жизни, живя селеніями по рр. Каркодону и Ясачной (притоки Колымы) и перекочевывая съ одного мѣста на другое сообразно времени года. Они питаются рыбой и звѣринымъ промысломъ, употребляя также въ пищу мясо бѣлки, какъ дамуты ²⁾). Изъ юкагировъ болѣе сохранили свои національные черты бродячие Верхоянского округа; юкагиры верховьевъ Колымы кочуютъ и живутъ вмѣстѣ съ ламутами, языкъ которыхъ и нравы перемѣшились съ юкагирскими, а на нижнемъ ея теченіи и по р. Омолону они окончательно обрусили, забыли родной языкъ, сдѣлались осѣдлыми рыболовами, живутъ отдельными селеніями въ русскихъ домахъ или среди русскихъ и точно такъ же, какъ и послѣдніе, зимой, когда рыбные запасы выходятъ, зависятъ въ своемъ пропитаніи отъ оленеводовъ чукчей. Болѣе жалкое существованіе, чѣмъ жизнь этихъ ихтиофаговъ, трудно себѣ представить, особенно съ тѣхъ поръ, какъ прекратился обильный олений промыселъ, описанный въ концѣ прошлаго столѣтія капитаномъ Биллингсомъ ³⁾ и въ началѣ нынѣшняго Врангелемъ ⁴⁾, при которомъ промыселъ этотъ уже сталъ падать. Весной дикие олени выходили изъ тайги отъ комаровъ и, переплывая рѣки, направлялись на сѣверные тундры, а осенью возвращались. Они ходили стадами въ нѣсколько сотъ головъ. Главное мѣсто переправы была р. Аюй ⁵⁾). Когда стадо оленей, тихо слѣдуя за вожатымъ, достигало средины рѣки, изъ засадъ съ крикомъ выплывало въ легкихъ членокахъ (вѣткахъ) общество охотниковъ, окружало стадо и, пользуясь его замѣшательствомъ, съ опасностью для собственной

¹⁾ Сѣвернаго оленя инородцы лишились съ незапамятныхъ временъ. Лишившись отъ нужды, голода или вадежа своихъ оленей, инородецъ долженъ оставить оленеводство. По свидѣтельству Маака (Валуйскій окр., стр. 154, ч. III) все попытки Валуйсквхъ тунгусовъ приручить дѣтенышъ дикихъ оленей не увенчались успѣхомъ. Вотъ почему потеря стадъ сопряжена съ вымираниемъ или переходомъ къ другой культурѣ.

²⁾ Изъ промысловъ этихъ юкагировъ надо еще отмѣтить приготовление лодокъ и карбасовъ, на которыхъ якуты-подрядчики сплавляютъ казенную кладь, а затѣмъ продаютъ ихъ рыбакамъ средняго и нижняго теченія Колымы, гдѣ нѣть подходящаго лѣса для ихъ построекъ или вовсе нѣть лѣса.

³⁾ Путешествіе капитана Биллингса черезъ Чукот. землю. Спб. 1811.

⁴⁾ Путешествіе и т. д., ч. II, стр. 87.

⁵⁾ И теперь олени бѣгутъ весной къ морю, но въ маломъ количествѣ, небольшими группами въ разными путами. Есть родъ оленей, который не уходитъ съ тундры и которыхъ тамъ русскіе называютъ «стоячими».

жизни, колоно направо и налево рогатинами (шальмами) и просто пожами, мѣтко нанося, въ пылу охотничихъ страстей, смертельные удары, пока рѣка не покрывалась трупами испуганныхъ животныхъ и вода не дѣлалась красной отъ крови. Охота эта имѣла артельный характеръ, и каждая семья обыкновенно получала за весну и осень до 100 оленей. Теперь же юкагиръ счастливъ, если ему весной удастся убить на рѣкѣ 2—3 оленей. Въ то время, о которомъ старики рассказывали мнѣ съ восторгомъ и горькимъ сожалѣніемъ, берега Аниоя были покрыты земляками русскихъ, жилищами юкагировъ и урасами ламутовъ, а во время экспедиціи барона Майделя (1868—1870) они уже были безлюдны и пустынны. Я проѣзжалъ по Анию весной 1890 года и мѣстами видѣлъ еще слѣды разрушенныхъ избъ, балагановъ, воздушныхъ амбарчиковъ (строившихся на сѣверѣ на высокихъ столбахъ для защиты запасной провизіи вообще или во время ея вяленія отъ аппетита господъ медвѣдей), а въ сторонѣ отъ дороги, какъ мнѣ говорили, встрѣчаются еще остатки висячихъ ламутскихъ могилъ (арангасы). На прекращеніе этого промысла и смотрять, какъ на одну изъ главныхъ причинъ вымиранія юкагировъ и другихъ жителей Нижне-Колымского края ¹).

Но тоже явленіе вымиранія мы видимъ у всѣхъ юкагировъ. Слѣдующія данные могутъ служить прекрасной иллюстраціей. Въ 1862 году юкагировъ въ области еще считалось 1.518 человѣкъ ²), а теперь ихъ числится всего 436 ч., такъ что въ теченіе 30 лѣтъ юкагирское населеніе уменьшилось на 71%.

Нельзя тутъ не упомянуть еще о Чуванцахъ, народъ тоже нѣкогда многочисленномъ, бывшихъ въ союзѣ съ юкагирами противъ свирѣпыхъ чукчей, вытѣснившихъ ихъ съ береговъ Анадыра. О чуванцахъ мы теперь встрѣчаемъ свѣдѣнія только въ официальныхъ отчетахъ, но не въ руководствахъ по народовѣдѣнію и лингвистикѣ; о нихъ даже не упоминается въ Географическомъ Словарѣ Российской Имперіи Семенова. Нѣть сомнѣнія, что чуванцы больше не существуютъ, какъ отдельный народъ, такъ какъ остатки его отчасти обрушились, отчасти подверглись вліянію другихъ инородцевъ или даже смѣшились съ ними.

¹) Чтобы судить о вымираніи юкагировъ, любопытно привести одну цифру не официального характера. При впаденіи р. Омолона въ Колыму живеть Омолонскій юкагирскій родъ. Всѣхъ зовутъ Востриковыми, такъ что фамилія относится къ роду, а не къ лицамъ. Когда я былъ въ 1891 году въ ихъ селеніи, староста Федотъ жаловался на тяжелыя времена и рассказалъ, что во время 10-ї народной переписи въ 1859 году у нихъ было 54 взрослыхъ мужчинъ (отъ 18 до 55 лѣтъ), платившихъ ясакъ. Они тогда были обложены по 1 р. 30 к. съ души, а теперь осталось 6 плательщиковъ, и общество должно вносить полный окладъ.

²) Памят. Книжка Якут. Обл. за 1863 г.

Въ Колымскомъ округѣ отъ нихъ теперь осталось небольшое осѣдлое общество въ г. Нижне-Колымскѣ, вполиѣ обруссвшее и одинъ родъ, бродящій къ востоку отъ Колымы по одной территории съ оленными чукчами, вліянію которыхъ они подпали: они ведутъ такой же образъ жизни, какъ чукчи и охотно выдаютъ за нихъ своихъ женщинъ¹⁾.

По свѣдѣніямъ 1862 г. ихъ всего числилось въ округѣ 259, а теперь только 143 чел.²⁾.

Немного обруссшихъ или окорячившихъ (т. е. живущихъ съ оленными коряками, которыхъ теперь уже нѣть въ Якутской области) юкагировъ и чуванцевъ находится въ Гижигинскомъ округѣ и Анадырскомъ краѣ.

Ч у к ч и.

Чукчи, исконные враги юкагировъ, тоже составляютъ первобытное населеніе крайняго сѣверо-востока Азіи, населеніе живучее, сохранившее свою независимость, оградившее свой языкъ, нравы, бытъ, отчасти и территорію отъ напора коряковъ, юкагировъ, тунгусовъ, якутовъ и русскихъ, населеніе, царствующее на тундрахъ и скалахъ сѣверо-востока Азіи. Занимая площадь, равную Франціи, вмѣстѣ съ Апенинскимъ полуостровомъ—отъ Берингова моря до Индигирки и отъ Ледовитаго океана до р.р. Анадыра и Акюя—чукотское племя, какъ бродячее, не велико количествомъ. Сколько всего чукчей даже приблизительно неизвѣстно, такъ какъ сами чукчи очень плохіе счетчики и никому изъ путешественниковъ или администраторовъ до сихъ поръ еще не удавалось привести въ извѣстность ихъ число; всѣ же цифры, приводимыя

¹⁾ По сообщенію совѣтника Областнаго Правленія Д. И. Меликова, имѣвшаго недавно возможность видѣть нѣкоторыхъ представителей этого рода, они свѣтло- или рыжеволосы, съ овальнымъ складомъ лица и широкимъ разрѣзомъ глазъ, не смотря на смешаніе ихъ съ чукчами. То же самое мнѣ говорили о наружности юкагировъ Верхоянского округа. Изъ этого видно, какой глубокий интересъ эти исчезающія племена представляютъ для антропологовъ.

²⁾ Фельетонистъ «Русскихъ Вѣдомостей», г. Діонео, сообщаетъ въ № 39 1893 года, что онъ видѣлъ «послѣднаго» чуванца, а въ № 134, онъ называетъ его по имени—Феодоръ Лыкчинъ; но такъ какъ Феодоръ Лыкчинъ въ прошломъ году умеръ, то теперь не должно быть ии одного чуванца. Но дѣло въ томъ, что Феодоръ былъ послѣднимъ изъ рода Лыкчиныхъ, жившихъ нѣкогда на Большой рѣкѣ, и если бы г. Діонео серьезнѣе относился къ тому, о чёмъ писалъ, то онъ бы на Колымѣ видѣлъ не одного только чуванца, а зналъ бы, что на Анийскую ярмарку приходить изъ Анадырска чуванцы и коряки. Смерть рода Лыкчиныхъ произошла двумя путями: дѣйствительнымъ вымираниемъ его членовъ и переходомъ женщинъ въ другія общества. Феодоръ былъ женатъ на юкагиркѣ, а дочь его вышла за русскаго и ея потомство, если оно будетъ, уже будетъ числиться русскимъ.

географами вполнѣ гадательныя. Какъ, напр., добыто число въ 12.000 чл., приводимое Венюковымъ въ этнографич. картѣ Россіи? Въ Географич. словарѣ Семенова число чукчей показано въ 100.000 чл., но это, вѣроятно, опечатка. Вслѣдствіе предписанія Сибирскаго губернатора въ 1710 г. «были отобраны отъ Ападырскихъ властей показанія», по которымъ «число чукотскаго племени по разнымъ сказкамъ было отъ 3.500 до 4.500 чл.». По соображеніямъ капитана Биллингса ¹⁾), въ концѣ прошлаго столѣтія ихъ было 10.000 чл. Спутникъ Норденшильда Бове ²⁾ полагаетъ, что численность этой народности не превышаетъ теперь 3—5 тысячъ человѣкъ. Другой же спутникъ Норденшильда Нордквистъ ³⁾ опредѣлилъ однихъ береговыхъ чукчей, наименѣе значительную ихъ часть, въ 2.000 ч. На вопросъ, заданный мной черезъ переводчика чукотскому старшинѣ Арапѣ ⁴⁾: сколько оленныхъ чукчей, онъ, подумавши, отвѣтилъ: «много, мы на тундрѣ все равно, что комары». Если это показаніе своимъ сравненіемъ сильно преувеличено, то относительно своей точности (за исключеніемъ только цифры Нордквиста, приблизительно вѣрной) оно едва-ли уступаетъ другимъ даннымъ. Одно можно сказать: если этотъ народъ не увеличился числомъ, то онъ во всякомъ случаѣ не вымираетъ, упорствуя передъ природой и отражая натискъ другихъ народовъ.

По языку, чуки, вмѣстѣ съ родственными имъ коряками и некоторыми жителями острововъ Берингова моря, принадлежать къ тѣмъ-же народамъ-особнякамъ, по классификаціи лингвистовъ къ гиперборейцамъ, а по терминологии академика Шренка ⁵⁾ къ палеазійскимъ народамъ, такъ какъ, по его мнѣнію, всѣ народцы крайняго сѣверо-востока съ ихъ нарѣчіями, которыхъ нельзя отнести къ той или другой изъ извѣстныхъ лингвистическихъ группъ и не имѣющихъ также родства между собой, суть остатки наиболѣе древнихъ и многочисленныхъ южныхъ народовъ, уцѣлѣвшіе потому только, что изолировались отъ направившихъ на нихъ съ юга племенъ, удалившихся на край материка.

По своимъ физическимъ свойствамъ, чуки представляютъ собою, можно сказать, этнографической мостъ между монгольской и американской расами. Преобладающимъ типомъ у нихъ всетаки остается монгольский, но часто можно

¹⁾ Путешествіе капитана Биллингса.

²⁾ Реклю. Азіатская Россія.

³⁾ Замѣтки о численности и нынѣшнемъ положеніи чукчей, живущихъ по берегу Ледовитаго океана. Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XVII, в. II, стр. 95.

⁴⁾ Это самый богатый и староста чукчей, живущихъ между Колымой и Индигиркой. Имеетъ кортикъ, медаль и американскую золотую медаль за спасеніе экипажа «Жанетты».

⁵⁾ Объ инородцахъ Амура, стр. 257.

встрѣтить чукчей, у которыхъ монгольскія черты едва замѣтны, и, вмѣсто смуглой или желто-буровой окраски кожи, цвѣтъ лица переходитъ въ мѣдно-красный, а носъ выдающійся, тонкій и круглый. Это можетъ служить указаніемъ на давнишнія сношенія съверо-восточныхъ азіатовъ съ американскими племенами, но и на то, что смыщеніе ихъ съ монголами проходило сильнѣе и чаще. Точно также въ мѣніяхъ путешественниковъ о первоначальной родинѣ чукчей существуетъ разногласіе. Бове думаетъ, что ее слѣдуетъ искать въ бассейнѣ Амура, а Нейманъ¹⁾ полагаетъ, что чукчи пришли изъ съверныхъ странъ Нового Свѣта. Какъ видно, вопросъ этотъ еще подлежитъ изслѣдованію специалистовъ. Отличаются также противорѣчіемъ мѣнія однихъ и тѣхъ же путешественниковъ (какъ у Неймана) о томъ, что сидаче (береговые) чукчи отличаются отъ оленыхъ не только образомъ жизни, но и нарѣчіями, и въ тоже время говорятъ, что въ береговые чукчи падутъ обѣднѣвшіе и лишившися своихъ стадъ оленные.

По роду занятій можно раздѣлить чукчей на сидачихъ (анкальи), живущихъ селеніями по всему побережью Ледовитаго океана отъ Шалахекаго мыса до Чукотскаго носа, отчасти также отъ носа до Анадырской губы, оленыхъ (чавча), бродящихъ по Берингову полуострову, въ бассейнахъ рѣкъ Анадыра (по лѣвому берегу), Чауна и Колымы (въ нижнемъ теченіи) и на съверѣ такъ называемой Большой тундры между Колымой и Индигиркой, и торговыхъ или носовыхъ (каврарѣмкитъ).

Первые имѣютъ собачье хозяйство, занимаются промысломъ тюленей (нерпѣ), моржей, бѣлыхъ медведей и полярныхъ лисицъ (песцовъ); нерѣдко находять мамонтовые бивни и китовый усть. Промыслами этими они пытаютъ себя и собакъ и въ обмѣнѣ на ихъ продукты (между которыми особенную роль играютъ моржовые ремни) получаютъ отъ бродячихъ чукчей олени шкуры на одежду, обувь и жилище (пологъ), а отъ русскихъ табакъ, котлы, чайники и чай. Вторые, образуя главную массу чукчей, суть настоящіе пастухи оленеводы съ многочисленными стадами въ тысячи и десятки тысячъ головъ, счетъ которымъ хозяева не знаютъ. Въ олень вся жизнь чукчи; онъ доставляетъ ему пищу, одежду, жилье, освѣщеніе, отопленіе (бѣлый мохъ, напитанный жиромъ, освѣщаетъ и грѣть пологъ), средство для обмѣна и рабочій скотъ для кочевокъ. Чукчи плохіе струблки и плохіе охотники, можетъ быть потому, что большей частью кочуютъ по безлѣсной тундрѣ или

¹⁾ Извѣстія Спб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., ч. I, № 4 и 5.

голымъ скалистымъ отрогамъ Становаго хребта ¹⁾), гдѣ звѣрь рѣдокъ. Они тяжелѣе на подъемъ, чѣмъ звѣроловы тунгусы; они охотно сидѣть на одномъ мѣстѣ, если истощеніе оленьей отавы не заставляетъ ихъ искать другой. Третыи кочуютъ около Чукотскаго носа, гдѣ имѣютъ сношенія съ американскими китоловами и откудаѣдѣтъ для торга съ такъ называемыми Кыргаулями ²⁾ и другими эскимоскими племенами острововъ и сѣверо-западныхъ береговъ Америки и съ русскими въ селеніе Марково Анадырскаго края и Анюйскую крѣпость въ Колымскомъ округѣ. Въ Колымскомъ округѣ кочуютъ только оленные чукчи, такъ какъ границей этого округа считается рѣка Чаунъ, до котораго идтиѣ береговыхъ чукчей.

Первое извѣстіе о чукчахъ доставилъ въ Якутскъ казакъ Стадухинъ, основавшій въ 1644 г. Нижне-Колымскій острогъ. Въ то время чукчи кочевали какъ на востокѣ, такъ и на западѣ отъ р. Колымы. Послѣ кровавыхъ битвъ съ русскими чукчи удалились съ лѣваго берега Колымы, оставивъ свидѣтельствомъ своего древняго тамъ пребыванія название рѣкъ Малой и Большой Чукочьей и отѣснившись въ свою очередь спадчее эскимоское племя Намолловъ съ сѣверныхъ береговъ Азіи къ Берингову морю. Съ тѣхъ портъ, можно сказать, Колыма служила естественной нашей границей на западѣ отъ чукотской территории (какъ р. Анадырь въ Приморской области на югѣ), подвергаясь по временамъ нападеніямъ и вторженіямъ воинственныхъ чукчей, ни за что не желавшихъ потерять свою независимость и быть объясченными ³⁾). Къ востоку отъ Чауна чукчи и теперь еще считаются независимыми отъ Россіи ⁴⁾. Когда чукчи убѣдились, что русское правительство не имѣть намѣренія насильственно ихъ подчинять, они начали мирныхъ сношенія съ рус-

¹⁾ Линія сѣвернаго предѣла лѣса доходитъ по Ленѣ до 72° с. ш., по Колымѣ до 69° с. ш., а дальше на востокѣ опускается до 66° и даже 65° с. ш. и весь крайній сѣверо-востокъ представляетъ собой гористую мѣстность, скалы которой мѣстами вдаются въ Ледовитый океанъ.

²⁾ Въ литературѣ нерѣдко упоминаются Кыргаули или Екыргаули, съ которыми чукчи ведутъ торгъ, какъ особый народъ. Это приводится, конечно, со словъ чукчей (что и мнѣ пришлось слышать); на самомъ же дѣлѣ это вообще эскимосы острововъ Берингова моря, и нѣтъ сомнѣнія, что наименіе это проиходитъ отъ чукотскаго слова «кыргиль», равносильное якутскому «омук» — чужой, иностранный. Напр. «Киргиль-табакъ» — чукотски — черкасскій (или русскій) табакъ.

³⁾ Изъ исторіи известно, съ какимъ упорствомъ вездѣ горныя племена отстаивали свою свободу. Тѣмъ болѣе трудностей для военныхъ дѣйствій представляли холодные, голые или покрытые мохомъ и лишаями, скалистые отроги Становаго хребта. Поэтому понятно отступленіе чукчей отъ западныхъ береговъ Колымы, образующихъ отлогую тундуру съ небольшими возвышеніями.

⁴⁾ Въ законахъ о состояніяхъ чукчи причисляются къ инородцамъ не совершило завещаній отъ Россіи (ст. ст. 857, 858 и 860).

скими на почвѣ торговли, этого могущественнаго рычага сближенія народовъ, и стали со своими стойбищами близко прикачивать къ русскимъ селеніямъ и замкамъ ¹⁾, оставивъ взаимныя опасенія, но будучи все таки на сторожѣ. Въ 1857 г. Эремъ оленыхъ чукчей Амвраургинъ просилъ у ревизовавшаго округъ чиновника Шевелева дозволенія перейти со своими табунами на лѣвый берегъ Колымы. Дозволеніе было ему дано. Въ 1858 г. прѣѣжалъ въ Якутскъ съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ одинъ изъ чукотскихъ старшинъ Хотто, обѣщавшій прислать на воспитаніе своего сына, но обѣщанія этого онъ не исполнилъ. Тогда же и была выработана форма присяги на русское подданство на чукотскомъ и русскомъ языкахъ и отпечатана въ числѣ 50 экземпляровъ. Съ тѣхъ поръ посредствомъ ласки и подарковъ происходили отдѣльные случаи привлеченія въ русское подданство чукчей — привлеченія фактически ничего не измѣнившаго въ отношеніяхъ чукчей къ властямъ, но способствовавшаго все таки сближенію ихъ съ русскими. Въ 1869 г. въ бытность такъ называемой чукотской экспедиціи подъ начальствомъ бар. Майделя, принявшихъ подданство Россіи уже числилось 5 родовъ, которые бар. Майделемъ были обложены ясакомъ по 1 рублю съ душі (въ возрастѣ отъ 18 до 50 лѣтъ) и такихъ душъ (не считая, значитъ, женщинъ, дѣтей и стариковъ) тогда было 247, соответственно чему количество ясака равнялось 247 руб. То же число чукчей и то же количество ясака продолжаетъ числиться безъ измѣненія въ позднѣйшихъ официальныхъ отчетахъ, а между тѣмъ количество чукчей въ Колымскомъ округѣ какъ на востокѣ, такъ и на западѣ отъ Колымы довольно значительно ²⁾. На вопросъ же: сколько ихъ? можно отвѣтить только, что пока это и приблизительно еще не известно.

Оставивъ вопросъ о количествѣ для статистики будущаго, я перейду къ вопросу о сношеніяхъ чукчей Колымского округа съ русскими. Есть указанія на то, что въ промежуткахъ между битвами русскіе промышленники по временамъ завязывали торговый обмѣнъ съ чукчами. Кеннанъ разсказываетъ, что вначалѣ чукчи предлагали свои товары на остріяхъ своихъ корабль и обмѣнъ

¹⁾ Слѣдующія историческія данные суть извлечены изъ архивныхъ материаловъ, собранныхъ мной для составленія отдельного очерка по истории сношеній русскихъ съ чукчами.

²⁾ Если даже возьмемъ данные, собранные бар. Майделемъ, то получимъ, что въ 1870 г. по одной тундрѣ между Индигиркой и Колчамой уже было 88 семействъ съ 419 чел. одного мужскаго пола (изд. бумагъ Нижне-Колымскаго архива). По переписи, произведенной миссионеромъ о. Аргентовымъ въ 1851 и 1852 гг., въ одномъ Чаунскомъ приходѣ было 94 семейства съ 666 мужчинами и 510 женщинами. При чёмъ часть чукотскихъ семействъ этого района не вошли въ перепись. (Записки Сибирскаго Отдѣла Имп. Русс. Географич. Общ. 1857 г., кн. III. Описание Николаевскаго Чаунскаго прихода Аргентова).

производился въ полномъ вооруженіи съ обѣихъ сторонъ. Въ 1770 г., послѣ неудачной чукотской кампаниі Шестакова, смерти Павлуцкаго и многочисленныхъ стычекъ съ чукчами, Анадырскій острогъ, откуда предпринимались военные дѣйствія противъ чукчей, и который терпѣль не мало отъ осадъ и нападеній, былъ уничтоженъ, команда переведена въ Нижне-Колымскъ, и чукчи, овѣбодившись отъ воинственнаго сосѣда, сдѣлались менѣе злобными. Познакомившись съ русскими привозными товарами, наиболѣе простыми продуктами русской культуры, какъ желѣзныя орудія, котлы, посуда, мѣдные чайники и т. д. и отвѣдавъ табаку и водки, они, хотя съ опаской и всегда готовые на бой, стали подходить ближе къ берегамъ Колымы, на которыхъ сосредоточилось русское населеніе, для обмѣна своихъ оленыхъ шкуръ и мѣховъ на русскіе товары. Первоначальнымъ мѣстомъ для торга, по указанію Зашиверскаго комиссара Баннера (въ 1775 г.), была выбрана рѣчка Ангарка, притокъ Большого Анюя, гдѣ была построена Ангарская крѣпостца. Впослѣдствіи она была перенесена на островъ Малаго Анию и названа Островной, но въ 1848 г. разливъ рѣки снесъ часть острова и крѣпость съ ярмаркой перевели на 10 в. ниже, на живописный угорь лѣваго берега М. Анию. На этомъ мѣстѣ и теперь крѣпость стоитъ и называется Аниjsкой, но мѣстные жители по традиціи продолжаютъ ее именовать Островной. Она находится въ 250 верстахъ отъ Нижне-Колымска на ОСО отъ него.

Въ первое время въ крѣпостцу посыпался на время ярмарки пѣтъ Нижняго значительный отрядъ казаковъ, а теперь ежегодно командируются на ярмарку 4—5 казаковъ, незнакомыхъ съ употребленіемъ оружія. Въ первой половинѣ этого столѣтія крѣпость еще была постоянно обитаема нѣсколькими семействами, въ ихъ числѣ былъ присяжный чукотскій переводчикъ и казачий сотникъ; теперь крѣпостца,— окруженнная оградой, имѣющей видъ многоугольника и сложенной изъ пазахъ изъ тонкоствольныхъ лиственницъ, съ башенкой надъ воротами, маленькой часовней, караульнымъ домомъ, десятковъ жалкихъ срубовъ для жилья и рядомъ лавочекъ и ларей,—тихо покоятся на откосѣ горы—лѣтомъ убаюкиваемая шумомъ разливающагося Анию, а зимой обсыпанная кругомъ снѣгомъ и только въ апрѣль мѣсяцѣ на 5—6 дней она страживаетъ съ себя снѣгъ и воскресаетъ подобно мертвѣй царевнѣ: вѣнѣ и внутри нея оживленное движеніе—кругомъ крѣпостцы раскинуты стойбища бродячихъ племенъ со стадами оленей, а въ оградѣ помѣщаются русскіе съ сотнями ѿздовыхъ собакъ и товарами для обмѣна.

Чтобы не выйти изъ рамокъ настоящаго очерка, я не могу подробно распространяться объ исторіи этихъ торговыхъ сношеній. Сначала на каждой ярмаркѣ устанавливались по соглашенію между русскими кущами и чукчами

подъ наблюденiemъ коммисаровъ, правила для обмѣна и опредѣлялась мѣновая единица. Въ 1811 г. Иркутскимъ губернаторомъ Трескинымъ, по примеру правилъ, установленныхъ правительствомъ (въ 1800 г.) для Кяхтинской торговли, были установлены также правила для Амуйской ярмарки. Въ нихъ роль мѣновой единицы играла красная лисица, и опредѣлялось, сколько лисицъ дается за извѣстный предметъ или вѣсъ, или за сколько красныхъ лисицъ принимается тотъ или другой мѣхъ¹⁾). Правила эти существовали до 1869 г., когда бар. Майдель въ видѣ опыта допустилъ вольную торговлю. Слѣдующій за нимъ исправникъ возстановилъ прежній порядокъ и представилъ проектъ новыхъ правилъ, но по заключенiu министра финансовъ (отъ 27 апр. 1875 г.) правила эти были отклонены, какъ стѣснительныя для инородцевъ, и съ тѣхъ порь вольный торгъ больше не нарушался. Характеръ торговли отъ того, что она стала свободной, не измѣнился и теперь. Для предметовъ издавна обращающихся на ярмаркѣ (какъ желѣзныя издѣлія, табакъ и др.), сравнительной единицей обмѣна, какъ по традиціи, такъ и для удобства, продолжаетъ служить лисица, — ибо понятія о цѣнахъ (т. е. мѣновомъ отношеніи предметовъ къ деньгамъ), денежныхъ знакахъ и представленія объ ихъ надобности чукчи до сихъ порь не имѣютъ, — только никто не обязанъ придерживаться какой-либо мѣновой таксы, отступление отъ которой для русскихъ наказывалось раньше запрещеніемъ торговать въ теченіе одной или больше ярмарокъ. Но когда дѣло идетъ о новинкахъ, то ихъ мѣновая цѣнность (т. е. количественное отношеніе, въ которомъ одинъ предметъ обмѣнивается на другой) опредѣляется главнымъ образомъ впечатлѣніемъ, какое онъ произвели на глазъ дикаря.

¹⁾ Ежегодно передъ выѣздомъ изъ Нижне-Колымска въ Островную крѣпость торговцы выбирали изъ своей среды ярмарочныхъ старшинъ, пересматривавшихъ мѣновую таксу, наблюдавшихъ на ярмаркѣ за ея выполнениемъ и каравшихъ нарушителей, т. с. тѣхъ, которые давали чукчамъ за мѣхъ больше, чѣмъ полагалось по таксѣ. Наказаніе, приводившееся въ исполненіе полицейской властью, доходило иной разъ до запрещенія провинившемуся торговать на ярмаркѣ на всегда. Торговые старшины передъ выходомъ въ Островную составляли «актъ», который подписывался купцами и «кредитованными мѣщанами» (прикащиками).

Изъ имѣющагося у насъ акта за 1832 годъ мы приведемъ тутъ мѣновую таксу:

1 пудъ черкасскаго табаку = 10 краснымъ лисицамъ; 1 п. желѣзныхъ котловъ = тоже; 1 п. мѣдныхъ котловъ = 20 краснымъ лисицамъ; 1 мѣдный чайникъ = 1 красной лисицѣ; 1 топоръ желѣзный = 2 пеецамъ или 2 моржовымъ кликамъ; 1 желѣзный ковшъ = 1 пецу или свитку моржовыхъ ремней; 1 пальма (небольшая рогатина) = тоже; 1 ножъ = 1 выпоротку; 20 красныхъ лисицѣ = 1 чернобурой лисицѣ; 4 крас. лис. 1 = бобру; 3 кр. лисицы = 1 рыси; 2 крае. лисицы = 1 сиводушкѣ или 1 выдрѣ; 1 красная лисица = 3 куницамъ, 4 пеецамъ, 4 моржовымъ зубамъ, 4 пыжикамъ, 15 выпороткамъ, 1 черной или бѣлой медвѣдицѣ.

На ярмарку оленные чукчи доставляютъ одежду изъ оленыхъ шкуръ, шкуры, ровдугу, живыхъ оленей на убой и въ небольшомъ количествѣ популярныхъ и другихъ лисицъ; сидячіе—тюленьи шкуры, моржовые ремни, клыки, китовый усъ, бѣлыхъ медвѣдей и песцовъ; носовые—дорогіе мѣха (бобровъ, куницъ, черныхъ лисицъ, голубыхъ песцовъ и т. д.), добываемые ими не на скалахъ крайняго сѣверо-востока, а помошью обмѣна на русскій табакъ у обитателей острововъ Берингова моря и сѣверо-западныхъ береговъ Америки. Когда товары доставлялись на крайній сѣверо-востокъ единственнымъ путемъ—сухопутнымъ (изъ Якутска), естественно, что всѣ чукчи—и съ Берингова полуострова и съ Чукотскаго носа, приходили за ними въ Колымскій округъ, но уже въ первой половинѣ настоящаго столѣтія у нашихъ торговцевъ явились опасные конкуренты въ лицѣ контрабандныхъ американскихъ китолововъ, а въ послѣднее время и въ пароходахъ добровольнаго флота, доставляющихъ товары въ Гижигу, откуда Анадырскіе торговцы доставляютъ ихъ въ чукотскія стойбища. Носовые чукчи, получая такимъ образомъ товары лучшаго качества и дешевле, все въ меньшемъ числѣ стали приходить въ Анийскую крѣпость. Раньше ихъ считали на ярмаркѣ сотнями, а въ послѣдніе годы единицами, приходящими исключительно ради черкасскаго табаку, крѣпость котораго теряется отъ морской перевозки. Раньше оборотъ ярмарки выражался въ сотняхъ тысячъ, а теперь не превышаетъ 25.000 руб. Дорогіе мѣха почти отсутствуютъ на ярмаркѣ, и она потеряла значеніе заграничнаго сбыта, сохранивъ лишь характеръ внутренняго обмѣна съ оленными чукчами, ламутами и другими бродячими инородцами округа.

Обращаясь опять къ чукчамъ Колымскаго округа, надо сказать, что, несмотря на то, что часть изъ нихъ считается русскими подданными, жизнь ихъ на тундрѣ течетъ безъ всякаго вмѣшательства русскихъ властей и быть имъ мало известенъ. Въ общемъ чукчи и теперь сохранили свои характерныя черты. Они горды, чванливы, дерзки, безстрашны, мстительны и жестоки, хотя часто бываютъ добродушны. Этическія требованія и добродѣтели еще находятся у нихъ въ той стадіи развитія, когда они главнымъ образомъ проявляются по отношенію къ себѣ, а не къ ближнему. Чукча не терпитъ обмана со стороны купца ¹⁾), требуетъ справедливости, чувствителенъ къ оскорблѣніямъ, за которые онъ требуетъ вознагражденія (какъ мнѣ приходилось ви-

¹⁾ Чукчи единственный изъ сибирскихъ народовъ, съ которымъ русскіе торговцы недутъ только наличный обмѣнъ безъ кредитныхъ сдѣлокъ, столь выгодныхъ для купцовъ при торгѣ напримѣръ съ тунгусами, но и со стороны чукчей нѣть особаго довѣрія къ русскимъ торговцамъ; они не выпускаютъ изъ рукъ мѣховъ, пока не получаютъ ихъ эквивалента.

дѣть), иначе съ нимъ шутки плохи; но въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ другимъ онъ чаше еще руководится необузданностью желанія и правомъ сильнаго. Только инстинктивное сознаніе, что за этой маленькой кучкой русскихъ стоитъ грозная сила, и въ извѣстной степени коммерческій разсчетъ удерживаютъ чукчей отъ насилия на ярмаркѣ. Здѣсь они нерѣдко воруютъ, что плохо лежитъ, а тамъ, у себя на тундрѣ и въ ущельяхъ скалистыхъ горъ, они могутъ и грабить, полагая, что они въ правѣ отнимать то, что имъ нужно и чего не хотите дать добровольно¹⁾). Но это все-таки относится больше къ чукчамъ, кочующимъ къ востоку отъ Колымы—до Чукотскаго носа, куда до послѣдняго времени рѣдко кто изъ русскихъ отваживаетсяѣхать²⁾). Прежде такія поѣздки были запрещены и даже знаменитый Муравьевъ-Амурскій счелъ нужнымъ въ 1859 г. запретить русскимъѣздить къ чукчамъ безъ особаго разрѣшенія начальства изъ опасеній какихъ-либо столкновеній. На нравы же чукчей, кочующихъ между Колымой и Индигиркой, сосѣдство русскихъ повліяло смягчающимъ образомъ. Теперь эти чукчи являются къ русскимъ безъ опасенія, довѣрчиво угощаются и у себя на тундрѣ привѣтливо принимаютъ русскихъ и якутскихъ торговцевъ, теперь ужъ не слышно объ убийствѣ у нихъ слабыхъ дѣтей и стариковъ, мужья про-

¹⁾ Считаю необходимымъ тутъ замѣтить, что командированный въ прошломъ году г. Губернаторомъ въ Колымскій округъ Советникъ Областнаго Правленія Д. И. Меликовъ изъ своего двухъ-месячнаго путешествія вмѣстѣ съ оленными чукчами по дорогѣ изъ Гижиги въ г. Ср.-Колымскъ вынесъ нѣсколько иное впечатлѣніе о чукчахъ. Д. И. Меликовъ болѣе удачно совершилъ путешествіе, чѣмъ другое, предыдущіе путешественники, проѣхавши по чукотской территории. По его мнѣнію, оленные чукчи—добродушный, гостепріимный и миролюбивый народъ; со своими стадами олесней они напоминаютъ патриархальная пастушескія племена. Но съ другой стороны и г. Меликовъ отмѣтилъ ту характерную черту, что воровство у чужихъ чукчи не считаютъ порокомъ, а сами чукчи ему говорили, что у нихъ еще практикуется обычай убіенія стариковъ и что родовая месть еще находится въ полной силѣ. По сообщенію г. Меликова у чукчей существуютъ только 3 рода дѣяній, считаемыхъ преступленіями, за которыя полагаются наказанія: 1) воровство у своихъ, 2) изнасилованіе дѣвственницы, груди которой еще не достигли надлежащаго развитія—при чёмъ экспертами въ признаніи зрѣлости или незрѣлости у девушки органовъ кормленія бывають «старики» и 3) убійство. По всѣмъ этимъ преступленіямъ «старики» произносятъ приговоръ, состоящій въ понѣ, тѣлесномъ наказаніи или смертной казни, а исполненіе приговора предоставляетъся роду, къ которому принадлежитъ субъектъ преступленія. Если родъ, къ которому принадлежитъ объектъ преступленія, получаетъ свободу въ своихъ дѣйствіяхъ и рано-ли, поздно-ли — иной разъ проходить многіе годы или десятки лѣтъ—но возмездіе совершается.

²⁾ Изъ Нижне-Колымска русскіеѣздали только для промысла непрѣ на берегъ Ледовитаго океана, не удаляясь далеко на востокъ, доѣжаютъ иной разъ до Чаунскихъ чукчей, но не дальше Шалахскаго мыса. Въ Анийскую крѣпость прїезжаютъ русскіе также изъ Анадырскаго края, но не ради товаровъ, которые стоять тамъ гораздо дешевле, а исключительно, чтобы запастись водкой.

вляютъ иной разъ ревность, хотя встречаются еще случаи переживанія обычай гостепріимной проституціи. Мнѣ известны случаи, когда родоначальники двухъ стойбищъ, въ знакъ заключенія дружбы, обмѣнивались на ночь женами. Богатые чукчи имѣютъ обыкновенно больше одной жены. Встрѣчаются отдельные случаи ухода или продажи ¹⁾ русскихъ женщинъ, но это не есть обычное явленіе, наоборотъ знакомство съ чукотскимъ ложемъ считается ругательствомъ у Нижне-Колымскихъ бабъ. Ёздившій при мнѣ на тундру вмѣстѣ съ женой русскій торговецъ служилъ объектомъ для остротъ: утверждали, что жена заслуживаетъ мужу дружбу и подарки чукчей. Нельзя, наконецъ, не упомянуть о томъ, что чукчи нерѣдко проявляютъ чувство человѣколюбія, и что благотворителями могутъ быть и дикие люди: во время частыхъ голодовокъ на Колымѣ, богатые люди жертвуютъ голодающимъ оленей, хотя по томъ хвастаютъ, что содержать все населеніе.

Но въ общемъ жизнь чукчей мало чѣмъ измѣнилась отъ сосѣдства ихъ съ русскими. Передвижная ихъ жилища и теперь еще состоять изъ ровдужныхъ шатровъ, внутри которыхъ устанавливаются одинъ или нѣсколько прямоугольныхъ пологовъ изъ оленыхъ шкуръ, спитыхъ наглухо, и въ пологи вползаютъ, приподымаая край одной изъ стѣнъ. Внутри, на шкурахъ, сидятъ обнаженные до пояса мужчины, татуированные женщины и голые дѣти; коптится свѣтильникъ изъ ягеля, напитанного оленымъ саломъ или ворванью, духота, запахъ пота, вонь и грязь. Трудно себѣ представить болѣе грязный народъ, чѣмъ чукчи. Послѣ неприличнаго поведенія ребенка мать продолжаетъ стряпать и угощать гостей, не почистивъ рукъ. Лакомство чукчей — тѣсто изъ сала, мозговъ и содержимаго желудка оленя — чуть не вызвало у меня рвоты. Разъ мнѣ случилось заночевать въ чукотскомъ стойбищѣ, и я предпо-
челъ спать на морозѣ, чѣмъ въ пологѣ, гдѣ ночью отправляются всѣ нужды. Самое худшее время для чукчи — короткое лѣто, когда кочевать приходится по болотамъ; комары, мошки и оводы терзаютъ людей и животныхъ; олени бѣгаютъ съ храпомъ, бѣсятся и разбѣгаются; — такъ что зима со своими жестокими морозами, пургами и мракомъ гораздо милѣе ему лѣта. На самомъ большомъ морозѣ чукчанка съ полуоткрытымъ бюстомъ ²⁾ варить

¹⁾ Мнѣ известенъ одинъ только фактъ продажи мѣщаниномъ изъ селенія Походекъ своей 13-лѣтней дѣвочки за 10 оленей, но это дошло до свѣдѣнія мѣстныхъ властей, которые отобрали несчастную дѣвочку отъ чукчей. Къ счастію стойбище ихъ тогда еще было нѣ далеко отъ Нижне-Колымска.

²⁾ Домашній костюмъ чукчанки состоитъ изъ пыжиковыхъ (шкуры оленыхъ телятъ) широкихъ штановъ, спитыхъ наглухо съ курткой и когда ей жарко, она снимаетъ одинъ рукавъ, оголяя руку и плечо и выставляя татуированную грудь. Въ пологѣ она и совсѣмъ раздѣвается.

на дворѣ надъ костромъ оленину и кипятить въ мѣдномъ чайникѣ кирпичный чай.

Не смотря на все сказанное, чукчи самый счастливый изъ всѣхъ сѣверныхъ инородцевъ, онъ всегда сыть и съ презрѣніемъ смотритъ на своихъ убогихъ сосѣдей. Ему невѣдома лучшая жизнь, а когда напьется настоя му-хомора или русской водки, онъ самый счастливый, но и самый буйный изъ смертныхъ. Дикость его натуры обнаруживается также въ играхъ, въ состязаніяхъ. Побѣжденный считаетъ себя кровно обиженнымъ побѣдителемъ, выраженіе одобренія второму вызываетъ въ первомъ ярость и чувство мести. Со сверкающими глазами, со скрежетомъ зубовъ и съ иѣной у дико искривлен-наго рта онъ хватаетъ ножъ и бросается на побѣдителя. На Аюйской ярмаркѣ я видѣлъ такую сцену, и ничего нѣть страшнѣй и отвратительнѣй ея. Рѣдко поэтому чукотское празднество кончается безъ увѣчій или даже убийства съ его послѣдствіями—родовой мести.

Не зная даже приблизительно количества чукчей въ различные периоды нельзя дѣлать никакихъ заключеній объ увеличеніи или уменьшеніи ихъ численности, но смѣло можно сказать, что это еще не вымирающій народъ. Да это и понятно: какъ пастухи-оленеводы, они не нуждаются въ такой обширной территоріи, какъ бродячіе охотники, а между тѣмъ они занимаютъ гораздо большую территорію, чѣмъ какая нужна, по вычисленію ученыхъ, охотничьему племени — территорію, которую они отстояли, нагнавъ страхъ какъ на старинныхъ сосѣдей, такъ и на пришлые народы, не исключая и русскихъ; только передъ «огненнымъ оружіемъ» послѣднихъ они отступили немногого къ востоку. То обстоятельство, что въ началѣ первой половины этого столѣтія чукчамъ понадобилось расширеніе своей территоріи, можетъ быть, объясняется увеличеніемъ народонаселенія.

Г. Якутскъ. 10 апр.
1894 г.

Вл. Гохельсонъ.